

ДЕМОН НОЧИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вячеслав Яковлев

Демон Ночи

«Автор»

2026

Яковлев В.

Демон Ночи / В. Яковлев — «Автор», 2026

Когда его деревня обратилась в пепел, а родители — в воспоминания, двенадцатилетний Тацуми остался один. Лишь чёрный меч отца, письмо с наставлением и пустота внутри. Пустота, которая поглощает магию, гасит заклинания и заставляет магов бояться. Он приходит в Академию, где его ждут: наставник, знавший отца, двое соратников, готовых идти за ним, и принцесса, чья ледяная магия не властна над ним. Но за каждым шагом Тацуми следят из теней. Древние силы пробуждаются, и наследник бога смерти должен решить, чем заполнить свою пустоту: мстью, долгом или любовью, которая может стоить ему всего. Ему суждено стать тенью за плечом королевы, демоном ночи, защитником и разрушителем. Но какую цену он заплатит за то, чтобы остаться человеком?

© Яковлев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вячеслав Яковлев

Демон Ночи

Глава 1

Ночь дышала сыростью и гнилью.

Лес, раскинувшийся на сотни лиг к северу от сожжённой деревни, был старым. Настолько старым, что корни его деревьев, казалось, прорастали не в землю, а в самую тьму, питаясь не соками, а страхом. Кроны смыкались высоко над головой, образуя чёрный свод, сквозь который не пробивался ни один луч луны. Ветер, пробиравшийся между стволами, был тихим, но настойчивым, как дыхание умирающего зверя, и нёс с собой запахи прелых листьев, мокрой коры и чего-то ещё — едва уловимого, но тошнотворного. Запах пепла.

Тацуми сидел у костра, поджав под себя ноги, и смотрел в огонь. Вернее, не в сам огонь, а сквозь него — в ту точку, где пламя лизало почерневшие камни, которыми он обложил яму. Он смотрел невидящим взглядом, и глаза его — пустые, чёрные, как омуты, в которых не отражается даже свет, — были неподвижны. Он не моргал. Вообще не двигался, если не считать едва заметного покачивания вперёд-назад, в такт какому-то внутреннему ритму, который никто, кроме него, не слышал.

Ему было двенадцать лет.

Хотя, глядя на него сейчас, сказать это мог бы лишь тот, кто знал его раньше. Лицо — бледное, осунувшееся, с заострившимися скулами и провалами щёк — казалось лицом старика, уставшего от жизни. Под глазами залегли тёмные тени, которые не могли появиться от одной бессонной ночи. Губы — сухие, потрескавшиеся — были плотно сжаты, образуя тонкую, почти незаметную линию. Волосы, чёрные как смоль, свалились в колтуны и падали на лоб, прилипая к испарине.

Он был одет в тёмный плащ, слишком большой для его худых плеч, под которым виднелась простая рубаша, местами порванная и испачканная засохшей кровью. Чужой кровью. Его собственной крови не было видно, но она была там — под одеждой, на рёбрах, на спине, в виде ссадин и гематом, которые он даже не чувствовал. Боль ушла. Вместе со всем остальным.

Огонь потрескивал, выбрасывая вверх снопы искр, и в его свете лицо Тацуми казалось ещё более измождённым. Он медленно поднял руку и протянул ладони к теплу. Пальцы — длинные, худые, с обломанными ногтями — не дрожали. Они были твёрдыми, как у человека, который уже принял решение и больше не колеблется. Но в том-то и дело, что никакого решения не было. В его голове не было ни мыслей, ни планов, ни надежд. Только пустота. Гулкая, глубокая, всепоглощающая пустота, которая выжгла всё, что когда-то делало его человеком.

Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он ушёл из деревни. Два дня? Три? Он потерял счёт. Дни и ночи смешались в один бесконечный поток серости и боли. Он шёл, пока ноги не отказывались идти, потом падал, потом снова вставал и шёл. Без цели. Без направления. Просто вперёд, потому что остановиться означало умереть, а умирать было нельзя. Не сейчас. Не так.

Грибы, которые он собрал в лесу, варились в небольшом котелке, подвешенном над огнём на корявой палке. Вода уже кипела, и по поляне разносился слабый, неаппетитный запах. Тацуми не чувствовал голода, хотя желудок сводило спазмами, а во рту стоял металлический привкус. Он просто ждал, когда еда будет готова, потому что знал: нужно есть, чтобы жить. А жить нужно, чтобы... Зачем? Этого он не знал. Но что-то глубоко внутри, на уровне инстинктов, заставляло его продолжать.

Он снова поднял взгляд на огонь, и в этот раз его глаза сфокусировались — на один короткий миг. В пламени ему почудился силуэт. Женский? Мужской? Дом? Он не успел разглядеть. Образ исчез так же быстро, как появился, оставив после себя лишь смутное чувство потери. Тацуми моргнул, и пустота снова накрыла его, как одеяло.

Воспоминания приходили не по его воле. Они просто возникали, как вспышки молнии в ночном небе, и так же внезапно гасли, оставляя после себя выжженные образы.

Деревня горела.

Пламя вздымалось до небес, пожирая соломенные крыши, деревянные стены, крики людей. Крики... Они до сих пор звучали у него в ушах, хотя он знал, что это лишь эхо. Люди бежали, падали, их настигали тени. Существо, пришедшее из тьмы, было огромным, бесформенным, сотканным из мрака и злобы. Оно не имело имени — или Тацуми просто не хотел его произносить. Оно пришло извне, из-за границы мира, и принесло с собой лишь одно — абсолютное уничтожение.

Он помнил, как стоял посреди улицы, сжимая в руке старый кухонный нож, и смотрел, как рушится его мир. Вокруг падали дома, и в каждом из них были люди. Соседи, друзья, знакомые. Те, кого он знал с детства. Их лица, искажённые ужасом, мелькали в окнах, за которыми уже бушевало пламя. Кто-то звал на помощь. Кто-то просто кричал. А существо... существо просто шло вперёд, оставляя за собой выжженную землю.

— Тацуми!

Голос отца прозвучал резко, как удар хлыста. Тацуми обернулся и увидел его — высокого, широкоплечего, с лицом, перекошенным от ярости и отчаяния. Отец был в крови, в дыму, в саже. Его правая рука сжимала рукоять меча — того самого чёрного меча, который он всегда держал в кузнице, но никогда не давал сыну.

— Беги, — сказал он, и голос его дрогнул. — Беги в лес. Не оборачивайся.

— Отец...

— Беги! — рявкнул Кендзи, и в его глазах блеснуло что-то, чего Тацуми никогда раньше не видел. Это был не гнев. И не страх. Это было... отчаяние. Глубокое, чёрное, безысходное отчаяние человека, который знает, что умрёт, но хочет, чтобы выжил его сын.

Тацуми хотел что-то сказать — спросить, что происходит, почему они не могут убежать вместе, — но отец уже был рядом. Он схватил сына за плечо, развернул к лесу и толкнул.

— Иди! Возьми сумку, я собрал её. В хижине. И мой меч... возьми мой меч. Он защитит тебя. А я... я должен остаться. Твоя мать...

Он не договорил. Взгляд его метнулся куда-то в сторону, и Тацуми увидел мать. Она стояла на пороге их дома, окружённая языками пламени, и сжимала в руках какой-то амулет. Её серебристые волосы развевались на ветру, а глаза — синие, как зимнее небо, — были устремлены на сына. Она что-то шептала, и Тацуми показалось, что он слышит её голос: "Живи".

— Мама! — закричал он, рванувшись к ней, но отец преградил путь.

— Я сказал — беги! — Кендзи с такой силой оттолкнул его, что Тацуми упал. — Ты нужен им! Нужен! А теперь — прочь!

Слёзы текли по щекам Тацуми, смешиваясь с кровью и сажей. Он поднялся, ещё раз взглянул на отца, на мать, на горящую деревню... и побежал. Побежал так, как никогда раньше не бегал. Сквозь дым, сквозь крики, сквозь ужас. Он бежал, пока не оказался в лесу, пока не упал на колени, задыхаясь и давясь собственным рыданием.

Он не видел, как за его спиной отец встал в боевую стойку и, глядя на приближающееся существо, произнёс слова, которые не должен был произносить. Он не видел, как мать закрыла глаза и растворилась в столбе света. Он слышал только взрыв. А потом — тишину.

Тацуми вздрогнул, возвращаясь в настоящее. Костёр прогорел почти наполовину, и угли уже подёрнулись пеплом. Он снова пошевелился, и на этот раз движение было осознанным. Медленно, как во сне, он полез за пазуху и вытащил оттуда небольшой кожаный мешочек, стянутый шнурком. Пальцы дрогнули, когда он развязывал узел, но он справился.

Внутри лежала фотография.

Старая, выцветшая, с загнутыми краями. На ней были изображены двое: молодой мужчина с чёрными волосами и резкими чертами лица, и женщина с серебристыми волосами и мягкой улыбкой. Они стояли обнявшись, и выглядели... слишком молодыми. Им можно было дать не больше двадцати — двадцати пяти лет. Но Тацуми знал, что это его родители. И что на самом деле им было гораздо больше. Сколько именно — он не знал. Но помнил, как однажды, когда ему было шесть или семь, он случайно подслушал разговор отца с одним старым другом. Тот смеялся и говорил что-то о "трёхстах семидесяти восьми годах". Тацуми тогда не придавал этому значения. А теперь... теперь это не имело значения.

Он прижал фотографию к груди, туда, где под рваной рубахой билось сердце. Билось слабо, но ровно. Тацуми закрыл глаза и попытался представить, что родители всё ещё рядом. Что это просто кошмар, и сейчас он проснётся в своей постели, а мама будет петь на кухне, а отец — стучать молотом в кузнице.

Но кошмар был реальностью.

Он открыл глаза и снова посмотрел на снимок. На мать. Её звали Миюки. Она была травницей — лучшей в деревне. Знала сотни рецептов, умела лечить и раны, и души. У неё были мягкие руки и тёплый смех. И она всегда пахла травами — мятой, лавандой, шалфеем. Тацуми помнил, как в детстве зарывался лицом в её волосы, и все тревоги уходили.

На отца. Кенджи. Кузнец. Сильный, суровый, но справедливый. Он редко улыбался, но когда улыбался — вокруг становилось светлее. Он учил Тацуми всему: держать молот, разводить огонь, отличать хорошую сталь от плохой. Он рассказывал истории о далёких странах, о войнах и героях. И никогда — о себе. Тацуми знал о своём отце меньше, чем о любом из соседей. Знал только, что тот пришёл в деревню давно, что построил кузницу и женился на маме. Что у него был шрам на спине — длинный, уродливый, от левой лопатки до поясницы. И что он никогда не снимал перчатки, даже за едой.

Теперь Тацуми понимал: в отце было что-то большее. Что-то, чего он не успел узнать. Что-то, что могло бы спасти их всех.

Он резко убрал фотографию обратно в мешочек и затянул шнурок. Хватит. Хватит воспоминаний. Они рвут его на части, а ему нужны силы. Он потянулся к котелку, снял его с огня и поставил на землю. Внутри булькало варево — тёмно-коричневая жижа, в которой плавали разваренные грибы. Не аппетитно, но есть можно.

Тацуми достал из-за пояса деревянную ложку, которую вырезал ещё вчера, и зачерпнул варево. Поднёс ко рту, подул. Пар обжёг ему губы, но он не поморщился. Просто стал есть. Механически, безвкусно, как будто жевал траву. Он не чувствовал вкуса. Вообще. Как будто язык онемел.

Он ел и думал о том, что сумка, которую собрал отец, лежит у него за спиной, и в ней, помимо прочего, есть одежда. Новая. Сшитая точно по его мерке. Откуда отец знал, что она понадобится? Почему собрал вещи заранее? Эти вопросы всплыли в голове и тут же потонули в пустоте. Не важно. Потом. Всё потом.

Ложка скребнула по дну. Тацуми доел похлёбку, не заметив, как она закончилась. Он облизнул губы — по привычке, потому что вкуса всё равно не чувствовал — и отставил котелок в сторону. Ветер снова усилился, пронизывая до костей, и Тацуми поёжился. Надо было подбросить дров.

Он потянулся к куче хвороста, которую набрал ещё днём, и в этот момент услышал крик.

Женский. Высокий, пронзительный, полный ужаса. Он разорвал тишину леса, как нож разрывает плоть, и эхом прокатился между деревьями. Тацуми замер. Рука его, державшая ветку, остановилась на полпути к огню. Сердце — то самое, которое только что билось ровно, — пропустило удар.

Крик повторился. Или это был уже другой крик? Тацуми не понял. Но он был ближе. Определённо ближе.

Он медленно повернул голову в сторону звука, и пламя костра, взметнувшись в последнем порыве, осветило его лицо. Оно было всё тем же — пустым, лишённым эмоций. Но в глазах, в самой глубине, мелькнуло что-то. Искра? Отблеск? Или просто отражение огня?

Не важно.

Тацуми смотрел во тьму, туда, откуда донёсся крик, и рука его сама собой потянулась к рукояти меча, лежавшего рядом на земле. Чёрное лезвие, казалось, впитало в себя весь окружающий мрак и теперь было невидимым, как клинок из самой ночи.

Он не знал, что там. Зверь? Разбойники? Или нечто худшее? Это не имело значения.

Имело значение только одно: кто-то звал на помощь. А он, Тацуми Ренджи, ещё не научился откликаться на зов.

Он встал — медленно, беззвучно, как тень, отделившаяся от ствола дерева. Плащ упал с его плеч, оставшись лежать у костра. Меч скользнул в ладонь, и рукоять привычно легла в обхват, словно была выкована именно для него. Что, впрочем, так и было.

Тацуми шагнул во тьму. Лес сомкнулся за его спиной, поглотив свет костра, как голодная пасть поглощает крошку. Темнота здесь была не просто отсутствием света — она была живой, вязкой, дышащей. Она липла к лицу, забиралась под одежду, шептала что-то на ухо. Тацуми не слушал. Он двигался вперёд, и каждый его шаг был тише предыдущего. Не потому, что он так хотел. Просто ноги сами знали, как ходить бесшумно. Уроки отца вьелись в плоть, как соль вьедается в рану.

Крик повторился. Теперь он был ближе и отчётливее. В нём слышалась не просто боль — в нём был ужас. Тот самый ужас, который испытывает человек, понимающий, что помощи ждать неоткуда. Тацуми знал этот звук. Он слышал его два дня назад, когда горела деревня. Тогда он тоже был близко. Слишком близко.

Он ускорил шаг, но не побежал. Бег в ночном лесу — это шум. Шум — это смерть. Вместо этого он скользил между деревьями, как призрак, огибая корни и провалы, невидимый для тех, кто привык полагаться на глаза. Ветки цеплялись за его волосы, колючие кусты рвали штанины, но он не замечал. Всё его внимание было сосредоточено на звуке. На голосе.

Он прошёл сквозь заросли папоротника, мокрые листья хлестали по ногам, оставляя на коже холодные полосы. За ними начинался крутой склон, заросший ежевикой и молодым орешником. Тацуми пригнулся и стал пробираться вниз, хватаясь за стволы, за корни, за камни. Шипы впивались в ладони, раздирали кожу на предплечьях, но он не разжимал пальцев. Боль — это просто сигнал. Сигнал можно игнорировать.

У подножия склона он остановился.

Внизу, в неглубокой ложбине, освещённой неровным светом факела, воткнутого в землю, происходило то, что он уже видел когда-то. Или не видел, но знал. Знал по рассказам отца. По обрывкам разговоров взрослых. По собственным кошмарам.

Два человека. Двое мужчин, огромных, как медведи, в грубой одежде, пропахшей потом и перегаром. Один держал женщину за волосы — длинные, светлые, когда-то красивые, а теперь спутанные и мокрые от слёз. Он намотал их на кулак и тащил её по земле, как мешок с мукой. Женщина сопротивлялась, била руками, ногами, пыталась кричать, но из горла её вырывался только хрип. Платье на ней было порвано, и в свете факела блестела белая кожа бедра.

Второй стоял на коленях рядом с девочкой.

Тацуми не сразу понял, что это девочка. Она была маленькой, хрупкой, с тонкими руками и ногами, как у кузнечика. Ей было лет двенадцать. Может, тринадцать. Не больше, чем ему. Она лежала на спине, придавленная к земле тяжестью мужского тела, и плакала. Плакала беззвучно, как плачут дети, у которых уже нет сил кричать. Её платье было задрано до пояса, а мужчина — коренастый, с красным лицом и грязной бородой — шарил по её ногам, слюняво ухмыляясь.

— Потерпи, куколка, — услышал Тацуми его голос. — Дядя будет нежен. Ну, почти.

Второй, тот, что держал женщину, загоготал:

— Ты там побыстрее! Я свою уже кончил, теперь твоя очередь. А эту... — он встряхнул женщину за волосы, — эту ещё разок оприходуем, пока не остыла.

Женщина — мать девочки, понял Тацуми. Мать и дочь. Проезжали по тракту, наткнулись на разбойников. Или разбойники наткнулись на них. Не важно. Важно было другое.

Тацуми смотрел на них, и внутри у него что-то поворачивалось. Медленно, как жёрнов, перемалывающий зерно. Пустота, которая последние дни была его единственным спутником, вдруг начала заполняться. Не чувствами, нет. Чем-то другим. Чем-то холодным и тяжёлым, как слиток сырой стали.

Ярость.

Нет, не ярость. Это было бы слишком по-человечески. Это было что-то более глубокое. Спокойное, расчётливое, неумолимое. Как приговор, который уже вынесен и обжалованию не подлежит.

В голове его, словно из тумана, всплыли слова отца.

— *Помни, сын, шакал не достоин жизни. Настоящий мужчина либо будет ухаживать за девушкой, чтобы быть с ней, либо пойдёт в публичный дом и купит услуги. Настоящий мужчина примет отказ и уйдёт спокойно, а тот, кто берёт силой, недостоин жизни.*

Тацуми помнил. Помнил тот день, когда отец впервые сказал ему это. Ему было тогда восемь. Он заступился за девочку из соседней деревни, которую обижали старшие мальчишки. Он влез в драку, и его побили. Сильно. До крови, до синяков, до сломанного носа. Он пришёл домой, и мама плакала, обрабатывая его раны. А отец стоял в дверях, скрестив руки на груди, и молчал. Потом, когда мама ушла, он сел рядом и сказал:

— Ты поступил правильно.

Тацуми тогда не понял. Ему было больно, и он злился.

— Они сильнее, — прошептал он разбитыми губами. — Я не смог.

— Не важно, смог или нет, — ответил отец. — Важно, что ты попытался. Запомни, сын: шакал не достоин жизни. Настоящий мужчина либо будет ухаживать за девушкой, чтобы быть с ней, либо пойдёт в публичный дом и купит услуги. Настоящий мужчина примет отказ и уйдёт спокойно, а тот, кто берёт силой, недостоин жизни.

Он замолчал, глядя в окно, и добавил:

— Если увидишь такого — убей. Не раздумывай. Потому что он уже убил. Душу. Чужую и свою.

Тогда Тацуми не понял и этого. Слова отца отложились где-то в памяти, как камень в земле. Но теперь, стоя в темноте, глядя на двух ухмыляющихся зверей, он понял. Понял всё, что хотел сказать отец.

Шакалы должны быть мертвы.

Рука его сама потянулась к мечу. Чёрное лезвие выскользнуло из ножен беззвучно, как смерть. Оно было холодным, но не обжигало. Оно было тяжёлым, но лежало в ладони так, словно было продолжением руки. Отец выковал его не просто для боя. Он выковал его для таких моментов.

Тацуми не стал кричать. Не стал предупреждать. Это было бы глупо. Глупо давать шакалу шанс.

Он начал спускаться по склону. Медленно, бесшумно, перетекая от тени к тени. Его ноги находили опору там, где, казалось, её не было. Ветки не ломались под его весом. Листья не шуршали. Он был тишиной. Пустотой. Ничем.

И это ничто приближалось.

Первый громила — тот, что держал женщину, — стоял к нему спиной. Широкая, как стена амбара, спина, обтянутая грязной рубахой. Волосы, собранные в сальный хвост. На поясе, в ножнах, висел короткий меч. Руки заняты — одна держит женщину за волосы, вторая сжимает её запястье. Идеальная позиция. Идеальный момент.

Тацуми подошёл сзади неслышно, как змея. Ростом он был едва ли до плеча этому бугаю, но это не имело значения. Важно было не это. Важно было бить туда, куда достанешь.

Он знал, куда бить.

Отец учил его: *"Сердце слева. Если бьёшь со спины — целься чуть выше поясницы, под лопатку. Там меньше всего мышц. Клинок войдёт, как в масло"*.

Тацуми сделал шаг. Ещё один. Он был уже в двух метрах, когда громила вдруг напрягся, словно почувствовал что-то. Но было поздно.

Меч вошёл в него, как раскалённый штырь в снег. Тацуми не почувствовал сопротивления — только короткий, влажный хруст, когда лезвие пробило кожу, мышцы, прошло между рёбер и вышло из груди. Громила дёрнулся, захрипел, изо рта его хлынула тёмная кровь. Пальцы, сжимавшие волосы женщины, разжались, и она упала на землю, кашля и давясь рыданиями.

Тацуми рванул меч на себя. Лезвие вышло с противным чмокающим звуком, и тело грузно осело, рухнув на колени, а затем — лицом вниз, в грязь. Лужа крови расплзлась под ним, чёрная в свете факела.

— Что за... — начал второй.

Он уже вскочил на ноги, отпихнув девочку в сторону. Она отлетела к кустам и замерла там, свернувшись клубком, прикрывая руками голые ноги. Громила выхватил из-за пояса тесак — длинный, с зубчатым лезвием, — и уставился на Тацуми.

— Ах ты ж щенок, — процедил он, и в голосе его было больше удивления, чем злости. — Ты знаешь, кто я такой? Ты знаешь, что я с тобой сделаю?

Тацуми ничего не ответил. Он стоял, опустив меч, и смотрел на врага. Смотрел спокойно, без эмоций, как смотрят на таракана перед тем, как раздавить.

Громила был выше его на две головы. Шире в плечах в два раза. Его рука, сжимавшая тесак, была толщиной с ногу Тацуми. Опыт? Да, у него был опыт. Такие, как он, живут не умом, а силой и жестокостью. Они убивают слабых, грабят незащищённых, насиловали женщин. Они трусы по своей природе, но в бою один на один могут быть опасны. Как раненый кабан. Как бешеная собака.

Тацуми поднял меч. Чёрное лезвие блеснуло в свете факела, но не отразило пламени. Оно его поглотило.

— Положи оружие, — сказал он. Голос его был тихим, ровным. Без дрожи. — Тогда умрёшь быстро.

Громила расхохотался. Громко, неестественно, с истерическими нотками.

— Ты? Меня? Да я тебя, щенка, на куски порежу! Я твои кишки на кулак намотаю!

Он бросился вперёд.

Тацуми ждал этого. Он не стал отступать. Вместо этого он сместился в сторону, пропуская удар, и полоснул мечом по боку противника. Лезвие разрезало плоть, но неглубоко — толстая кожа и жир смягчили удар. Громила взревел от боли и развернулся, размахивая тесаком, как косой. Тацуми пригнулся, и лезвие просвистело у него над головой, срезав несколько волосков.

Они кружили по поляне, как два танцора, только танец их был смертельным. Громила наступал, бил, рассекал воздух, выплёскивая наружу всю свою злобу и ярость. Тацуми уворачивался, отступал, изредка контратакуя. Но контратаки его были слабыми, неуверенными. Ему не хватало опыта. Не хватало длины рук. Не хватало силы.

Отец учил его многому. Но одно дело — тренироваться с чучелом, и совсем другое — драться с живым, озлобленным зверем, который хочет тебя убить.

Меч Тацуми описал очередную дугу, целясь в ногу противника, но громила отбил удар своим тесаком с такой силой, что рукоять выскользнула из мокрой от пота ладони. Чёрное лезвие мелькнуло в воздухе, перевернулось и упало в траву, в нескольких шагах от Тацуми.

Время остановилось.

Тацуми стоял безоружный, глядя на врага. Громила, тяжело дыша, но ухмыляясь, поднял тесак над головой. Лезвие, зазубренное, ржавое от старой крови, зависло в воздухе, готовое опуститься вниз.

— Вот и всё, щенок, — прохрипел он. — Молись своим богам.

Тацуми не молился. Он даже не моргнул. Он стоял и смотрел, как сталь замирает в верхней точке, как капли чужой крови стекают по зазубринам. Он видел каждую деталь: трещину на лезвии, грязные ногти на пальцах, красное, распухшее лицо врага, его оскал, его глаза, налитые кровью.

И где-то глубоко внутри, в той самой пустоте, которая должна была быть пустой, что-то шевельнулось. Что-то тёмное. Что-то древнее. Что-то, что не имело имени. *Но Тацуми не знал об этом. Он просто стоял и ждал, когда меч опустится.*

А меч всё не опускался.

Лезвие начало падать.

Оно рассекало воздух с тихим, почти ласковым свистом, и в этом звуке Тацуми услышал нечто знакомое. Нечто, что он слышал раньше. Когда-то. Где-то. В другой жизни.

Память не спрашивала разрешения. Она просто распахнулась, как дверь, сорванная с петель, и в голове всплыли слова — не отца, нет. Другого человека. Того, кто иногда приезжал в деревню, кто сидел с отцом за бутылкой вина и говорил о вещах, которых Тацуми тогда не понимал. Он был высокий, с рваным шрамом через всё лицо, и от него пахло железом и кожей. Отец называл его «старым другом», но Тацуми всегда чувствовал, что между ними было что-то большее. Что-то, о чём они молчали.

Тот человек однажды взял Тацуми на тренировку. Просто так, мимоходом, пока отец работал в кузнице. Он дал ему деревянный меч и встал напротив.

— Покажи, что умеешь.

Тацуми, которому было тогда девять, неуверенно взмахнул мечом. Он не знал, как правильно. Он просто бил, как бил бы палкой.

— Плохо, — сказал тот человек, даже не моргнув. — Тебя убьют в первом же бою.

Он подошёл ближе, взял свой меч — настоящий, не деревянный, — и медленно поднял его над головой.

— Вот так тебя будут бить чаще всего. Сверху. Грубо, но сильно. От такого удара трудно уйти, если стоишь на месте. Но у него есть слабость.

Он показал. Медленно, так, чтобы Тацуми запомнил каждое движение.

— Когда лезвие идёт вниз, противник вкладывает в удар всё. Его корпус смещается вперёд. Его живот открыт. Его рёбра — как на ладони. Ты не должен блокировать. Ты не должен отступать. Ты должен шагнуть в сторону. Быстро. Резко. И ударить туда, где нет защиты.

Он ткнул пальцем Тацуми в солнечное сплетение. Тацуми согнулся от боли, но запомнил. На всю жизнь запомнил.

— И ещё, — добавил тот человек, когда Тацуми отдышался. — Никогда не жди, пока меч опустится. Действуй на замахе. Когда он только поднимает руку. Это твой момент.

Теперь, в эту ночь, в этом лесу, время замедлилось. Тацуми видел, как зазубренное лезвие ползёт вниз, как капли пота блестят на лбу врага, как мышцы его плеча напрягаются в последнем усилии. И он вспомнил.

Он сделал шаг.

Не назад. Не вправо. А именно в сторону — туда, куда показывал тот человек. Шаг был настолько быстрым, настолько инстинктивным, что Тацуми сам не понял, как его ноги оказались в другой точке. Он просто вдруг оказался сбоку от громилы, вплотную, на расстоянии вытянутой руки.

И тогда он ударил.

Не мечом — меч лежал на земле. Кулаком. Точнее, ребром ладони, сложенной так, как учил отец. Удар пришёлся точно в солнечное сплетение — в тот мягкий, ничем не защищённый участок под рёбрами, где сходились толстые, но дряблые мышцы живота. Громила дёрнулся, как от удара током. Воздух с шумом вышел из его лёгких, глаза выпучились, рот открылся в беззвучном крике. Тесак выпал из его руки и воткнулся в землю, а сам он, схватившись за живот, начал заваливаться вперёд.

Тацуми не дал ему упасть.

Он шагнул вперёд, подхватил с земли свой меч — чёрное лезвие, казалось, само прыгнуло в ладонь, — и, не раздумывая, вонзил его в грудь противника. Снизу вверх. Под рёбра. Туда, где сердце.

Клинок вошёл ровно. Без хруста. Без сопротивления. Как в воду. Громила захрипел, из горла его вырвался булькающий звук, и в глазах, которые смотрели на Тацуми сверху вниз, промелькнуло что-то похожее на удивление. Как будто он всё ещё не мог поверить, что умирает. Что его, огромного, сильного, убил мальчишка.

Тацуми провернул меч. Один короткий поворот кисти. Лезвие рассекло сердечную мышцу, и свет в глазах врага погас. Навсегда.

Он выдернул клинок. Тело громилы грузно осело, завалилось набок и рухнуло рядом с первым. Лужа крови, уже тёмная, маслянистая, расплзлась по земле, и в ней отражался свет факела — неровный, дрожащий, как предсмертная судорога.

Тацуми стоял над двумя телами. Грудь его тяжело вздымалась, но не от усталости. От чего-то другого. Он смотрел на мёртвых и не чувствовал ничего. Вернее, чувствовал, но это чувство было таким далёким, таким приглушённым, что его можно было принять за эхо. Он сделал это. Он убил. Двух человек. Шакалов.

Шакалы должны быть мертвы.

Слова отца прозвучали в голове, как приговор, и Тацуми медленно опустил меч. Лезвие, покрытое кровью, блестело в свете пламени. Надо было вытереть его. Отец всегда говорил: «Клинок, оставленный мокрым, ржавеет. А ржавый клинок подводит в бою». Тацуми нагнулся, сорвал пучок травы и тщательно, методично провёл им по чёрной стали. Трава стала красной. Он бросил её на землю и повторил. Потом ещё раз. Пока лезвие не стало чистым.

Только тогда он вложил меч в ножны.

Тишина.

Ночь снова сомкнулась над поляной, и единственным звуком было потрескивание факела да всхлипывания женщины, которая, поднявшись на ноги, прижимала к себе дочь. Тацуми не смотрел на них. Он развернулся, чтобы уйти. Обратно. К костру. К сумке. К дороге.

— Постой!

Голос был тихим, но твёрдым. Тацуми остановился, но не обернулся.

— Ты ранен, — сказала женщина, и шаги её прошелестели по траве. — У тебя кровь.

Тацуми опустил взгляд на свои руки. Да, кровь. Чужая, в основном. Но где-то под рукавом, на предплечье, где шипы ежевики разорвали кожу, сочилась и его собственная. Медленно,

капля за каплей. Он не чувствовал боли, но рана была. И ещё одна — на боку, где тесак всё-таки зацепил его, когда он уклонялся. Он не заметил.

— Это не страшно, — сказал он и хотел сделать шаг.

Женщина оказалась перед ним. Невысокая, худенькая, с растрёпанными светлыми волосами, выбившимися из-под капюшона. Лицо у неё было милое, но измученное, с тёмными кругами под глазами и искусанными губами. А глаза... глаза были необычные. Карие, с золотистыми искорками, как у лисы. Она смотрела на Тацуми снизу вверх, и в этом взгляде не было страха. Только тревога.

— Подожди, — она протянула к нему руки. — Я помогу. Я целительница.

Тацуми не двигался. Он просто смотрел, как её ладони — маленькие, с тонкими пальцами — ложатся ему на грудь. Туда, где под рубашкой расплзся кровоподтёк. Она закрыла глаза и что-то зашептала. Слова были незнакомые, напевные, как молитва. Тацуми почувствовал, как от её ладоней исходит тепло. Но тепло это было странным, чужим, и оно не проникало внутрь. Оно скользило по поверхности, как вода по маслу, и не находило пути.

Женщина нахмурилась. Потом открыла глаза и удивлённо уставилась на свои руки.

— Почему... — прошептала она. — Почему не работает?

Она попыталась ещё раз. Приложила ладони к его ране на боку, и Тацуми увидел, как кончики её пальцев засветились слабым золотистым светом. Но свет тут же погас, рассыпался искрами, как будто встретил невидимую стену. Женщина вскрикнула и отдернула руки, будто обожглась.

— Не понимаю... — она смотрела то на свои ладони, то на Тацуми. — Моя магия... она не действует. На тебя не действует.

Тацуми промолчал. Он и сам не понимал, что происходит. Но где-то внутри, в той самой пустоте, которая поглотила его горе, он почувствовал, как нечто тёмное, голодное, шевельнулось. И это нечто было сыто. Сыто её магией.

— Тогда просто перевяжи, — сказал он ровно. — У тебя есть бинты?

Женщина кивнула, всё ещё ошеломлённая, и засуетилась. Она подбежала к своим вещам, которые были разбросаны по поляне — видимо, разбойники сбросили их с повозки, — и вытащила из сумки свёрток. Внутри оказались чистые тряпицы, склянки с мазями и тонкие полоски бинтов. Она вернулась к Тацуми и, опустившись рядом на колени, принялась обрабатывать его раны.

Руки у неё были ловкими, привычными. Она быстро нанесла на порез на боку какую-то пахучую мазь, от которой кожу слегка защипало, и принялась забинтовывать. Тацуми стоял неподвижно, как статуя, и смотрел куда-то поверх её головы. На девочку, которая сидела в стороне, прижимая к груди разорванное платье. Девочка смотрела на него огромными, перепуганными глазами и молчала.

— Готово, — сказала женщина, затягивая последний узел. — Остальное не так страшно. Царапины. Заживут.

Она поднялась и неловко поправила капюшон, который сполз с головы. И Тацуми увидел. Уши.

Они были маленькие, аккуратные, покрытые короткой рыжеватой шерстью. Лисьи уши. Они дрожали, как будто их обладательница всё ещё была напугана и не могла успокоиться. Женщина заметила его взгляд и быстро натянула капюшон обратно, спрятав уши. Но было поздно.

— Ты зверолюдка, — сказал Тацуми.

Это был не вопрос. Просто констатация факта. В его голосе не было ни удивления, ни отвращения. Вообще ничего.

Женщина вздрогнула, как будто он её ударил.

— Да, — тихо ответила она, опуская глаза. — Лисица. Из клана Серебристого Холма. И моя дочь тоже.

Тацуми перевёл взгляд на девочку. Та, словно почувствовав, что речь о ней, ещё крепче прижала платье к груди и отвернулась. Уши её — такие же рыжие, только поменьше — тоже прятались под капюшоном.

— Прости, — сказала женщина, и голос её дрогнул. — Мы не хотели... Просто... мы бежали. Нас ловили. Люди... они не любят таких, как мы.

— Я не из тех, кто не любит, — сказал Тацуми. — Мне всё равно.

Женщина подняла на него глаза. В них блеснули слёзы, но она не плакала.

— Спасибо, — прошептала она. — За всё. Если бы не ты... — она замолчала и судорожно вздохнула. — Меня зовут Мира. А это моя дочь, Айко.

Тацуми кивнул. Просто кивнул. Он не знал, что ещё сказать. Слова были лишними. Он снова развернулся, чтобы уйти.

— Ты куда? — в голосе Мира послышалась паника. — Уже ночь! В лесу опасно!

— Я привык.

— Но... — она сделала шаг за ним. — Ты ведь спас нас. Мы у тебя в долгу. Если тебе нужна помощь, если тебе нужен кров, еда... В Гавани тебе будут рады. Я знаю людей в Гавани. Хороших людей. Они примут тебя.

Тацуми остановился.

Гавань. Он слышал это слово раньше. От отца. От того самого человека со шрамом. Они говорили о Гавани, как о месте, куда можно вернуться. Как о доме, который у них был когда-то. Тогда Тацуми не спрашивал. А теперь...

— Зачем мне Гавань? — спросил он, не оборачиваясь.

— Не знаю, — честно ответила Мира. — Но чувствую, что ты должен туда попасть. Это озеро, порт, крепость. Там безопасно. Особенно для таких... — она замаялась. — Для тех, кому нужна защита.

Тацуми молчал. Потом медленно повернул голову и посмотрел на неё. На девочку. На тела, лежащие на земле.

— Я подумая, — сказал он.

И сделал жест.

Это был жест, который он видел тысячу раз. Отец всегда так делал, когда прощался с кем-то или когда уходил по делам: касался указательным и средним пальцами правой руки виска, а потом резким, отточенным движением выбрасывал руку вперёд и в сторону. Как будто отдавал честь невидимому собеседнику. Как будто говорил: «Я помню. Я вернусь».

Тацуми повторил этот жест. И ушёл.

Он шёл, не оборачиваясь, и звук его шагов постепенно таял в ночи. За спиной остались двое мёртвых, женщина с дочерью и факел, который догорал, бросая на траву последние, дрожащие отсветы.

Мира смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась во тьме. Потом опустилась на колени рядом с дочерью, обняла её, прижала к себе и тихо, почти беззвучно, прошептала:

— Это точно он.

Айко подняла на мать заплаканные глаза.

— Кто?

Мира не ответила. Она только крепче прижала её к себе и уставилась в темноту, туда, где исчез странный мальчик с чёрным мечом и пустыми глазами.

А в это время в кроне старого дуба, возвышавшегося над поляной, кто-то стоял.

Она была невидима для тех, кто остался внизу. Не потому, что использовала магию, нет. Просто сама ночь обнимала её, как сестру, и прятала от посторонних глаз. Лунный свет, пробившийся на миг сквозь облака, скользнул по её фигуре, выхватив из темноты тонкий силуэт.

Молодая женщина? Девушка? Трудно было сказать. Длинные волосы, чёрные, как смола, спадали до пояса и колыхались на ветру, хотя ветра не было. Глаза — тёмные, но с серебристым отливом, как у кошки, вышедшей на охоту, — были устремлены на удаляющегося мальчика. Губы, полные и бледные, тронула лёгкая улыбка. Не злая. Не добрая. Скорее задумчивая. Как у человека, который увидел то, что ожидал, и остался доволен.

Она стояла на ветке так легко, словно весила не больше перышка, и смотрела. Смотрела, как Тацуми пробирается сквозь заросли, как меч его, чёрный, как сама ночь, висит за спиной, как капли чужой крови всё ещё подсыхают на его щеке.

— Вот ты и начал, — прошептала она, и голос её был похож на шелест листвы. — Начал свой путь.

Она подняла руку, и лунный свет, повинувшись какому-то незримому зову, собрался в её ладони, засияв холодным, серебристым огнём.

— Интересно, выдержит ли он, — произнесла она, обращаясь не то к себе, не то к ночи. — Наследник... Его сын...

Она сжала ладонь, и свет погас. На поляне снова стало темно. Только догорающий факел трещал в тишине.

И ни одна ветка не шелохнулась, когда она исчезла. Словно её и не было вовсе. Словно ночь, породив её, забрала обратно.

Лес снова погрузился в тишину. И только ветер, пробирающийся между стволами, нёс с собой запах пепла. Запах, который будет преследовать Тацуми до самого конца его пути.

Глава 2

Граница Эльдора встретила его тишиной.

Не той тишиной, что царила в лесу — глубокой, вязкой, наполненной шорохами и дыханием невидимых тварей, — а иной. Плоской. Звенящей. Как будто сам воздух здесь был разрезан, выжат, лишён жизни. Тацуми стоял на краю леса, там, где деревья расступались, обнажая голую, выжженную солнцем равнину, и смотрел вперёд.

Вдалеке, на горизонте, угадывались очертания города. Эльдор. Столица. Он никогда не был здесь, но знал о нём по рассказам отца. Отец говорил, что Эльдор — это сердце мира, город, в котором сходятся все дороги, все судьбы, все надежды. Он говорил об этом с каким-то странным выражением лица — не то с тоской, не то с горечью. Тацуми тогда не понимал. Теперь — тем более.

Он стоял неподвижно, опираясь на посох, который вырезал из молодого дуба где-то на третий день пути. Ноги его были стёрты в кровь, обмотаны грязными тряпками, которые уже давно перестали быть белыми. Плащ, отцовский плащ, висел на плечах тяжёлой, пропитанной влагой тканью. Волосы — чёрные, спутанные — падали на глаза, и он не убирал их. Не было сил.

Он пришёл.

Мысль эта не принесла ни облегчения, ни радости. Просто констатация факта. Лес закончился. Началась равнина. Где-то там, за серой пеленой утреннего тумана, лежал город. Но Тацуми не знал, что делать дальше. Он вообще не знал, зачем шёл. Просто шёл, потому что остановиться означало умереть. А умирать было нельзя. Почему — он не помнил. Просто нельзя. И всё.

Он сделал ещё несколько шагов, ноги сами вынесли его на открытое пространство, и только тогда он заметил пенёк.

Обычный. Трухлявый. Обросший мхом и какими-то бледными грибами. Он стоял у самой кромки леса, как немой страж, и будто ждал его. Тацуми подошёл к нему, постоял немного, глядя на неровный срез, на котором виднелись годовые кольца — десятки, сотни колец, — и медленно опустился на него. Ноги гудели. Спина ныла. В висках стучало.

Он сидел и смотрел перед собой, на равнину, на далёкий город, на серое небо, и в голове его не было ни одной мысли. Только пустота. Та самая, что стала его постоянным спутником. Она не давила, не мучила, не кричала. Она просто была. Как воздух. Как земля под ногами. Как смерть, которая шла за ним по пятам, но почему-то всё не настигала.

Рука сама потянулась за пазуху. Пальцы нащупали знакомый кожаный мешочек. Он вытащил его, развязал шнурок и достал фотографию.

Она была всё такой же. Выцветшая, потрёпанная, с загнутыми краями. Но лица на ней не изменились. Молодой мужчина с чёрными волосами и резкими чертами. Женщина с серебристыми волосами и мягкой улыбкой. Его родители.

Тацуми смотрел на них, и где-то глубоко внутри, в самой глубине той пустоты, что заполняла его, что-то дрогнуло. Слабо, едва заметно. Как отголосок далёкого грома. Как последний луч солнца перед закатом.

Он вспомнил маму.

Не ту, что на фотографии, а живую. Настоящую. Её тёплые руки, которые обнимали его по вечерам, когда он, уставший после дня, проведённого в кузнице, засыпал у неё на коленях. Её голос, тихий, напевный, когда она пела ему колыбельные. Её запах — травы, мята, лаванда, что-то ещё, неуловимо родное. Он помнил, как она гладила его по голове, перебирала волосы, шептала что-то ласковое, и все тревоги, все детские страхи отступали, таяли, как снег под весенним солнцем.

Он помнил отца.

Не того, каким он был в последний день — перекошенного от ярости, в крови, в саже, с мечом в руке. А другого. Того, что сидел вечерами у камина и читал ему старые книги, написанные на языках, которых Тацуми не знал. Того, что учил его держать молот, разводить огонь, отличать хорошую сталь от плохой. Того, что иногда, в редкие минуты, когда был в хорошем настроении, трепал его по волосам — грубо, по-мужски, но с такой нежностью, что у Тацуми щипало в глазах.

Он помнил эту ладонь. Тяжёлую, мозолистую, пропахшую железом и углём. Она ложилась на его макушку, сжималась, взъерошивала волосы, и отец говорил:

— Расти, сын. Расти большим и сильным.

Тацуми смотрел на фотографию, и пальцы его дрожали. Совсем чуть-чуть. Так, что он сам едва замечал. Но они дрожали. И это было первое чувство, которое он испытал за последние дни. Чувство потери. Острое, как нож, вонзённый под рёбра.

Он закрыл глаза.

— Я стану сильнее, — прошептал он, и голос его был хриплым, как у старика. — Я стану таким сильным, что никто больше не посмеет... никто...

Он не закончил. Что именно «никто не посмеет» — он не знал. Убивать? Жечь деревни? Отнимать у детей родителей? Всё это уже случилось. И он не смог ничего сделать. Ничего.

— Я отомщу, — сказал он, и на этот раз голос прозвучал твёрже. — Если получится. Если выживу. Я найду того, кто это сделал. И убью.

Он не знал, кто это был. Существо, пришедшее из тьмы. Нечто, чему нет имени. Но он верил, что однажды узнает. Однажды поймёт. И тогда...

Что будет «тогда», он не додумал. Вместо этого он снова посмотрел на фотографию, на лица родителей, и почувствовал, как что-то горячее катится по щеке. Слеза. Всего одна. Она сорвалась с подбородка и упала на снимок, оставив на выцветшей бумаге тёмное пятнышко.

Тацуми быстро стёр её рукавом. Хватит. Хватит плакать. Слёзы не вернут мёртвых. Слёзы не сделают его сильнее. Он убрал фотографию обратно в мешочек, затянул шнурок и сунул его за пазуху.

И только тогда заметил конверт.

Он лежал на дне сумки, под сменной одеждой, под мешочком с сушёным мясом, под огнём и прочими мелочами, которые отец заботливо уложил. Тацуми не замечал его раньше. Может, потому что не искал. А может, потому что не хотел искать. Но теперь рука сама наткнулась на плотную бумагу, и он вытащил конверт наружу.

Обычный. Из грубой, желтоватой бумаги, запечатанный каплей воска. На лицевой стороне — ни имени, ни адреса. Только отпечаток пальца, оставшийся в воске. Отпечаток отца.

Тацуми сломал печать. Внутри оказалось два листа.

Первый был бланком. Строгим, официальным, с гербом — серебряным волком, вставшим на задние лапы, — и тиснёнными буквами. Приглашение. В Академию Арканиум. Ту самую, о которой отец говорил с таким уважением. Ту самую, куда мечтал попасть каждый мальчишка в деревне. Ту самую, куда Тацуми, по словам отца, должен был отправиться, когда ему исполнится двенадцать.

— Если доживёшь, — добавил тогда отец, и это прозвучало как шутка. Теперь Тацуми понимал: это была не шутка.

Он пробежал глазами по строкам. Имя, дата, место. Всё было заполнено заранее. Его имя. Его дата рождения. Всё сходилось. Отец подготовил это давно. Очень давно.

Второй лист был исписан от руки. Почерк — твёрдый, угловатый, с наклоном влево. Почерк отца.

«Тацуми.

Если ты читаешь это, значит, меня и твоей матери больше нет. Прости, что не сказал тебе всего раньше. Прости, что не успел. Я надеялся, что время ещё есть. Что я успею подготовить тебя. Научить всему, что знаю сам. Но, видно, судьба решила иначе.

Не ищи виноватых. Не трать на это силы. Тот, кто пришёл за нами, не человек. Он из тех, кого боялись даже боги. И он вернётся. Не сейчас, так потом. И когда он вернётся, ты должен быть готов.

Иди в Эльдор. Найди в Арканиуме инструктора по имени Ларс. Он мой боевой товарищ. Единственный, кому я доверяю больше, чем себе. Скажи ему, что ты сын Кенджи Ренджи. Он всё поймёт. Он позаботится о тебе.

Знай, сын: ты не такой, как все. В тебе течёт сила, о которой ты даже не догадываешься. Сила, способная изменить мир. Или уничтожить его. Выбор за тобой.

Не позволяй тьме поглотить тебя. Держись за свет. За тех, кого любишь. За тех, кто любит тебя. Даже если кажется, что их больше нет, — они рядом. Всегда.

Я горжусь тобой, сын. Просто за то, что ты есть. За то, что выжил. За то, что продолжаешь идти.

Прощай.

Кенджи»

Тацуми читал медленно. Каждое слово. Каждую букву. Он читал и не чувствовал, как слёзы снова текут по щекам, как губы дрожат, как пальцы сжимают бумагу так, что она едва не рвётся. Он читал и слышал голос отца — не тот, что кричал «Беги!», а другой. Спокойный. Усталый. Любящий.

Ларс. Он должен найти Ларса. Инструктора в Арканиуме. Боевого товарища отца.

Тацуми перечитал письмо ещё раз. Потом ещё. А потом сложил его аккуратно, вчетверо, и убрал в тот же мешочек, где лежала фотография. Туда же спрятал и приглашение.

Он посидел ещё немного, глядя на серое небо, на далёкий город, на равнину, простиравшуюся перед ним. Ветер трепал его волосы, охлаждал лицо, приносил с собой запах пыли и сухой травы. Где-то высоко в небе кружила одинокая птица, и её крик был похож на плач ребёнка.

Тацуми встал.

Ноги не слушались. Тело ломило. Рана на боку, перевязанная той женщиной-лисицей, ныла при каждом движении. Но он встал.

Он поправил сумку на плече, проверил, на месте ли меч, и, бросив последний взгляд на пенёк, на котором только что сидел, двинулся вперёд.

Впереди был город. Академия. Ларс. Новая жизнь, о которой он ничего не знал.

Но сначала — дорога. Долгая, пыльная, бесконечная. И он должен был пройти её до конца.

Тацуми сделал первый шаг. Потом второй. Потом третий.

И лес позади него сомкнулся в сплошную тёмную стену, отрезая прошлое.

Он не оборачивался. Нельзя. Оборачиваться — значит слабость. А слабость — значит смерть.

Он шёл вперёд, и с каждым шагом город становился всё ближе. Или ему так казалось. Может быть, это был мираж. А может, просто усталость играла с ним злую шутку.

Но он шёл.

Один. На границе. Между лесом и равниной. Между прошлым и будущим. Между тем, что было, и тем, что будет.

И пустота внутри него, та самая пустота, что выжгла все чувства, все страхи, все надежды, вдруг начала заполняться чем-то новым. Не болью. Не скорбью. Не радостью.

Чем-то другим. Чем-то похожим на старую, заржавленную пружину, которая медленно, со скрипом, но всё же начинает разжиматься.

Это было не чувство. Это была решимость.

Холодная, железная, безжалостная.

Тацуми Ренджи не знал, куда приведёт его дорога. Но он знал одно: он больше не остановится. Никогда. Пока не выполнит всё, что задумал. Пока не найдёт ответы. Пока не станет тем, кем должен стать.

Или пока смерть не заберёт его, как забрала всех, кого он любил.

Он поднял голову и посмотрел на город, что раскинулся перед ним в серой дымке.

Эльдор ждал его. И он шёл.

Одинокая фигура на пустынной дороге, с сумкой за плечами и чёрным мечом за спиной, уходящая всё дальше и дальше от тёмной стены леса. Ветер поднимал за ней облака пыли, и они таяли в воздухе, как пепел. Как тот самый пепел, что остался от его родной деревни.

Как пепел, из которого, возможно, однажды восстанет нечто новое.

Дорога заняла у него остаток дня и половину следующего утра.

Тацуми не помнил, как шёл. Ноги двигались сами, механически, как у сломанной куклы, которую кто-то завёл и бросил. Он не останавливался, не отдыхал, не ел. Только один раз, уже на рассвете, когда небо на востоке окрасилось в блёклые оттенки розового и серого, он опустился на обочину и выпил немного воды из отцовской фляги. Вода была тёплой, отдавала железом, но он не поморщился. Просто сделал несколько глотков, заткнул пробку и пошёл дальше.

Город приближался медленно, как зверь, который не хочет показываться целиком. Сначала из утреннего тумана выплыли стены — высокие, каменные, покрытые пятнами мха и копоти. Потом — башни, острые, как клыки, пронзающие низкое небо. Затем — ворота, огромные, обитые железом, с гербами, которые Тацуми не мог разглядеть с такого расстояния.

А потом он услышал город.

Это был не звук. Это был гул. Глубокий, многослойный, состоящий из сотен, тысяч отдельных голосов: скрип телег, ржание лошадей, крики торговцев, лай собак, смех, ругань, плач. Всё это сливалось в единый поток, который обрушился на Тацуми, как волна, едва он переступил невидимую границу. Он даже остановился на мгновение, оглушённый, — после нескольких дней лесной тишины этот шум был почти невыносим.

Но он заставил себя идти.

У ворот выстроилась очередь. Крестьяне с корзинами, торговцы с телегами, какие-то люди в тёмных плащах, жавшиеся к краю. Все они ждали, пока стража проверит их. Тацуми встал в самый конец, опустив голову и натянув капюшон поглубже. Ему не хотелось привлекать внимание. Ему вообще ничего не хотелось. Только дойти до цели.

Очередь двигалась медленно, и Тацуми терпеливо ждал. Он смотрел под ноги, на пыльную дорогу, на обломки сена, растоптанные копытами, на следы тележных колёс. Он не поднимал глаз, но чувствовал на себе взгляды. Осторожные, изучающие. Такие взгляды бросают на тех, кто выглядит чужаком.

— Эй, парень.

Тацуми поднял голову. Перед ним стоял стражник — высокий, широкоплечий, в кожаной броне, с коротким мечом на поясе. Лицо его было усталым, небритым, с глубокими складками вокруг рта. Он смотрел на Тацуми сверху вниз, и в его глазах не было ни злобы, ни интереса. Только скука.

— Чего надо? — спросил он. — Если в город, то плати пошлину. Серебряный.

Тацуми молчал.

— Оглох? — стражник нахмурился. — Серебряный, говорю. Или проваливай.

Тацуми медленно полез в сумку. Пальцы нащупали конверт — тот самый, с приглашением. Он вытащил его и протянул стражнику. Тот взял бумагу, повертел в руках, поднёс к глазам.

— Это что? — буркнул он, шурясь. — Грамота?

— Приглашение, — тихо сказал Тацуми. — В Арканиум.

Стражник хмыкнул, но заметно напрягся. Он развернул лист, пробежал глазами по строкам, и лицо его вытянулось.

— Так ты, значит, абитуриент? — он вернул бумагу, но уже без прежней грубости. — Чего сразу не сказал? Иди сюда.

Он махнул рукой кому-то за спиной, и из караулки вышел офицер. Он был старше, в начищенной кирасе, с плащом, перекинутым через плечо. Лицо у него было узкое, с острым подбородком и холодными, как у змеи, глазами. Он подошёл, не глядя на Тацуми, взял приглашение из рук стражника и прочитал.

Потом поднял глаза и впервые посмотрел на Тацуми. Взгляд его был тяжёлым, изучающим. Он словно пытался прочитать что-то, скрытое под капюшоном, под грязью и усталостью.

— Тацуми, значит, — произнёс он негромко. — Ренджи.

Тацуми не ответил. Только чуть заметно напрягся.

Офицер помолчал, потом наклонился ближе и сказал — так тихо, что услышал только Тацуми:

— Мы тебя пропускаем. Но фамилию свою не называй. Никому. Здесь, в Эльдоре, она может стоить тебе головы.

Он выпрямился, вернул приглашение и кивнул стражникам.

— Пропустить.

Тацуми молча кивнул в ответ. Один раз. Коротко. Потом накинул капюшон ещё глубже и шагнул в ворота.

Город встретил его всем сразу.

Узкие улочки, зажатые между каменными домами, уходили вверх, петляли, разветвлялись, как вены на теле неведомого зверя. Пахло дымом, рыбой, нечистотами, свежим хлебом, мокрой шерстью и чем-то сладким, приторным, как гниющая плоть. Толпа текла мимо — люди всех мастей: крестьяне с корзинами, служанки с узлами, мастеровые в промасленных фартуках, нищие с протянутыми руками, уличные мальчишки, снующие между ног. Всё это двигалось, кричало, смеялось, ругалось, жило.

Тацуми шёл сквозь этот хаос, не поднимая головы. Он не знал, куда идти, но ноги сами несли его вперёд, по главной улице, туда, где за крышами домов угадывались шпили Арканиума. Он должен был найти Ларса. Академия. Но сначала — просто идти.

Он свернул в переулок, чтобы срезать путь, и тут же пожалел об этом. Переулок был узким, тёмным, заваленным мусором и какими-то ящиками. Вонь здесь была гуще, концентрированнее, как будто весь город стекал сюда своими нечистотами. Но было поздно поворачивать назад.

Именно здесь, в этой грязи, он увидел кота.

Обычный уличный кот, тощий, с облезлой шерстью неопределённого серого цвета, с обрубленным ухом и жёлтыми, как у совы, глазами. Он сидел у стены, возле опрокинутого ящика, и ел из миски. Вернее, доедал: на дне глиняной плошки оставалось совсем немного — какие-то объедки, рыбы хвосты, кусок засохшей каши. Кот ел медленно, с достоинством, как умеют только коты, даже голодные и бездомные. Он не обращал внимания на суету вокруг, на крики, на грязь. Он просто ел.

А потом появился человек.

Пьяный. Это было видно сразу — по нетвёрдой походке, по бессмысленной улыбке, растянувшей рот, по мутным глазам, которые смотрели в никуда. Он шёл по переулку, шатаясь из стороны в сторону, и что-то бормотал себе под нос. В руке у него была бутылка, полупустая, с тёмной жидкостью.

Он поравнялся с котом и остановился.

— Ах ты ж тварь, — сказал он заплетающимся языком. — Жрёшь тут... на халяву...

И ударил.

Носком сапога. По миске. Глиняная плошка отлетела к стене и разбилась, остатки еды разлетелись по грязной брусчатке. Кот отпрыгнул, прижался к земле, и из горла его вырвался звук — тонкий, жалобный, похожий на плач. Пьяный засмеялся.

— Вот так-то, — он пнул осколок, — нечего жрать чужое.

Тацуми не помнил, как оказался рядом.

Он не думал. Не размышлял, стоит ли вмешиваться. Просто шагнул вперёд, и тело само сделало всё остальное. Удар в колено — резкий, точный, под углом, как учил отец. Пьяный взвыл, нога его подломилась, и он начал заваливаться вперёд. Тацуми ударил второй раз — в поддых, туда, где рёбра сходятся в мягкую точку. Воздух с шумом вышел из лёгких, и пьяный сложился пополам, хватая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Чем тебе не угодил кот? — спросил Тацуми.

Голос его был тихим, ровным. В нём не было ни ярости, ни злобы. Только холод. И этот холод был страшнее любого крика.

Пьяный попытался что-то сказать, но из горла его вырвался только хрип. Он замахнулся бутылкой — неуклюже, наугад, — и Тацуми легко уклонился. А потом ударил снова.

Локтем. В нос.

Этот приём отец показывал ему десятки раз. «Никогда не бей кулаком в лицо, если не хочешь разбить костяшки. Бей локтем. Локоть — твой молот. Нос — самая хрупкая кость. Один точный удар — и противник готов».

Хруст. Тёплая кровь брызнула Тацуми на рукав. Пьяный отшатнулся, закатил глаза и рухнул навзничь, ударившись затылком о мостовую. Бутылка выпала из его руки и покатилась в сточную канаву.

Тацуми не стал смотреть на него. Он наклонился, подобрал с земли осколки миски, сложил их в кучку, а потом подошёл к коту. Тот всё ещё сидел у стены, прижавшись к камням, и смотрел на Тацуми огромными жёлтыми глазами. Он дрожал, но не убегал.

— Пойдём, — сказал Тацуми.

Кот, разумеется, не ответил. Но когда Тацуми повернулся и пошёл к выходу из переулочка, он последовал за ним — осторожно, крадучись, держась на расстоянии, но всё же шёл.

Они вышли на небольшую площадь, где шумел рынок. Тацуми подошёл к мясной лавке, дождался, пока лавочник, толстый мужчина с окровавленным фартуком, обслужит покупателя, и положил на прилавок последнюю медную монету, что нашлась в сумке.

— Кусок мяса. Самый дешёвый.

Лавочник хмыкнул, но спорить не стал. Он швырнул на прилавок обрезок — небольшой, с прожилками, но всё же мясо. Тацуми взял его и отнёс коту.

Тот ждал его у фонтана, в тени старой каменной чаши. Тацуми присел на корточки и положил мясо на чистый камень. Кот сначала недоверчиво покосился на него, потом осторожно приблизился, обнюхал и начал есть. Ел он быстро, жадно, разрывая мясо зубами, и Тацуми смотрел на него, не двигаясь.

Когда мясо закончилось, кот поднял голову, облизнулся и вдруг подошёл к Тацуми. Прижался головой к его колену, потёрся, потом, неожиданно, поднялся на задние лапы, упёрся передними в его грудь и лизнул в щёку. Шершавый язык царапнул кожу, и Тацуми почувствовал что-то странное. Тёплое. Давно забытое.

А потом кот боднул его лбом. Легонько, но так, словно хотел сказать: «Спасибо». Или: «Я тебя запомнил». Или ещё что-то, что Тацуми не мог понять.

Он не улыбнулся. Почти. Уголки губ дрогнули, и в пустых глазах на мгновение мелькнуло что-то, похожее на отблеск. Это не была улыбка в привычном смысле. Скорее тень её. Лёгкая, почти неуловимая.

Тацуми поднялся.

— Береги себя, — сказал он коту.

И пошёл дальше.

Город снова сомкнулся вокруг него — шумный, грязный, равнодушный. Но Тацуми этого не замечал. Он шёл туда, куда вели его ноги, и перед глазами у него стоял образ: тощий серый кот, лижущий ему щёку. Почему-то от этого было чуть легче. Совсем чуть-чуть.

Он поднимался по широкой улице, которая вела на холм. Дома здесь были выше, богаче, с лепниной на фасадах и тяжёлыми дубовыми дверями. Людей стало меньше, зато появились кареты — чёрные, лакированные, с гербами на дверцах. Тацуми держался края дороги, пропуская их, и продолжал идти.

Академия показалась из-за поворота внезапно.

Она была огромной. Не просто зданием — целым комплексом, раскинувшимся на вершине холма, окружённым высокой стеной с башнями. Главный корпус вздымался в небо, как каменный исполин: острые шпили, готические арки, витражные окна, в которых горело утреннее солнце. Врата — чёрные, кованые, с изображением волка, — были распахнуты, и за ними виднелся широкий двор, вымощенный серыми плитами.

Тацуми остановился.

Он стоял перед дверями — точнее, перед воротами, — и смотрел на них, не решаясь сделать последний шаг. Сердце его билось ровно, но внутри, в той самой пустоте, что-то сжалось. Это было не волнение. Не страх. Это было... ожидание. Тяжёлое, как камень на дне реки.

Где-то за этими воротами был Ларс. Человек, которого он никогда не видел, но которому должен был довериться. Человек, который знал его отца. Человек, который, возможно, знал ответы на вопросы, которые Тацуми ещё не успел задать.

Он поднял руку и коснулся чёрной стали ворот. Металл был холодным, но не обжигающим. Как и всё в этом городе.

Тацуми сжал пальцы в кулак.

Он не знал, что ждёт его там, за этими воротами. Не знал, кем станет. Не знал, выживет ли.

Но знал одно: пути назад больше нет.

Он отпустил решётку и выпрямился. Ветер, долетевший с холма, шевельнул его спутанные волосы и принёс запах старого камня, пыли и чего-то ещё. Чего-то, что Тацуми не мог назвать, но что показалось ему смутно знакомым. Так пахнет в кузнице, когда отец заканчивает работу и тушит горн.

Он сделал шаг вперёд.

И ворота, словно почувствовав его присутствие, медленно, с тяжёлым скрипом, начали открываться. Они открывались не сами по себе — за ними стояли двое привратников в тёмно-серых мундирах, которые налегли на створки, едва заметили одинокую фигуру на пороге. Но Тацуми не смотрел на них. Он смотрел только вперёд, туда, где за воротами разворачивался широкий внутренний двор Академии, вымощенный потрескавшимися плитами, по которым, казалось, прошли сотни поколений ног.

Двор был залит бледным утренним светом. По обеим сторонам его тянулись галереи с арочными проходами, а прямо по центру возвышался главный корпус — массивный, сложенный из серого камня, с высокими стрельчатыми окнами и лестницей, ведущей к двойным дверям. Над дверями, высеченный из того же камня, замер в прыжке волк — герб Академии, а может, и всего Эльдора. Его каменные глаза, пустые и бесстрастные, смотрели на каждого входящего, как на путника, которого уже взвесили и оценили.

Тацуми шагнул внутрь.

Странное чувство накрыло его, едва он пересёк невидимую черту, отделявшую город от Академии. Не магия, нет. Скорее, тишина. Шум Эльдора, который ещё мгновение назад давил на уши, словно отступил, приглушённый невидимой завесой. Здесь, внутри, звуки были дру-

гими: шаги, отдающиеся эхом от каменных стен, далёкий звон оружия, чьи-то приглушённые голоса. И тишина, та самая, что всегда предшествует чему-то важному.

Он пересёк двор, не глядя по сторонам, хотя краем глаза замечал фигуры: студентов в тёмных мантиях, спешащих куда-то, преподавателей с толстыми книгами под мышкой, пару вооружённых стражников, провожавших его равнодушными взглядами. Никто не остановил его, никто не спросил, кто он и зачем пришёл. То ли приглашение, спрятанное за пазухой, обладало какой-то невидимой силой, то ли здесь просто не интересовались чужаками. А может, чужаков здесь и не было — только те, кто должен был прийти.

Главный корпус встретил его сумраком и прохладой. Свет, проникавший сквозь высокие витражные окна, распадался на цветные пятна, плясавшие по каменному полу. Внутри пахло старой бумагой, воском и холодным камнем — запах, который Тацуми вдруг вспомнил из детства. Так пахло в подвале отца, где он хранил старые книги и свитки.

Он поднялся по лестнице. Ступени были широкими, но стёртыми посередине — казалось, по ним прошла целая армия. Тацуми ступал осторожно, держась за перила, и не знал, куда идти. Он просто шёл вперёд, ведомый смутным чувством, что где-то наверху его ждут.

Второй этаж. Длинный коридор с дверями по обеим сторонам. На стенах — портреты: суровые лица в старинных одеждах, рыцари с мечами, маги с посохами, юные девушки с коронами. Все они смотрели на Тацуми с каким-то одинаковым, неживым выражением, и ему на миг показалось, что он идёт по галерее призраков.

Он сделал ещё несколько шагов, и именно тогда его остановил человек.

Появился он неожиданно — как будто вышел из стены или соткался из теней, сгустившихся под одним из портретов. Впрочем, Тацуми не успел удивиться. Он просто замер, потому что оказался лицом к лицу с тем, кого не мог не узнать.

Ларс.

Нет, он не знал его. Никогда не видел. Но отец описывал его — вскользь, в редких разговорах, словно нехотя. И теперь, глядя на этого человека, Тацуми понял, что описание было точным. Даже слишком.

Он был молод. Это первое, что бросалось в глаза. Лет двадцать, не больше. Высокий, поджарый, с военной выправкой, от которой веяло смертельной опасностью, как от обнажённого клинка. Одет он был не в мантию преподавателя, а в простую тёмную форму, перетянутую ремнями, с коротким мечом на бедре. Лицо — узкое, резкое, с высокими скулами и рваным шрамом, который пересекал левую половину от виска до подбородка, — казалось высеченным из камня. Он был молод, да, но в этом лице было что-то древнее, усталое, пережившее сотни битв и потерь.

И он выглядел так же молодо, как родители Тацуми.

Это сравнение пришло из ниоткуда, но было настолько точным, что у Тацуми перехватило дыхание. Тот же тип внешности. Та же гладкость кожи, которой не должны обладать люди, прожившие долгие годы. Та же несостыковка между внешним обликом и тем, что читалось в глазах.

— Тацуми, — произнёс Ларс.

Это было не вопрос. Даже не приветствие. Просто констатация, как будто он уже давно ждал этого момента и знал, что он наступит именно сейчас, именно здесь.

Тацуми не ответил. Он просто стоял и смотрел. Ларс выдержал его взгляд спокойно, как человек, который привык к тому, что на него смотрят — с удивлением, со страхом, с ненавистью. Потом коротко кивнул, словно подтверждая что-то про себя.

— Похож, — сказал он, и в его голосе мелькнуло что-то, что Тацуми не смог распознать. Тоска? Гордость? Боль? — Очень похож. Иди за мной.

Он развернулся и зашагал по коридору, не оборачиваясь, не проверяя, идёт ли Тацуми следом. Но Тацуми пошёл. Не потому, что доверял. А потому, что больше идти было некуда.

Они миновали несколько дверей, свернули в боковой проход, спустились на один пролёт ниже, потом ещё на один. Ларс шёл быстро, но бесшумно, его сапоги с мягкой подошвой не издавали ни звука. Тацуми старался не отставать, но ноги, натруженные долгой дорогой, слушались всё хуже. Он не жаловался.

Наконец Ларс остановился перед широкой двустворчатой дверью, ведущей, судя по всему, в большой зал. Он положил ладонь на створку, но не стал открывать. Вместо этого обернулся.

— Слушай меня внимательно, — сказал он, и голос его стал жёстким, как сталь, брошенная на камень. — Сейчас ты увидишь новобранцев. Таких же, как ты. Они пришли со всего королевства, чтобы попытаться поступить. Большинство из них — мусор. Пыль. Они не переживут даже первого испытания. Но среди них есть те, кто может стать полезным. Твоя задача — выбрать двоих.

Тацуми молча смотрел на него.

— Двоих, — повторил Ларс, и в его глазах блеснул холодный огонёк. — Это будет твоя команда. Твой отряд. Твоя ответственность. Выбирай с умом, потому что от этого выбора зависит не только твоя жизнь, но и их.

Он толкнул дверь, и та распахнулась, впуская в коридор волну света и шума.

Зал оказался огромным. Высокий потолок терялся в полумраке, но пространство было залито светом десятков масляных ламп, развешанных на стенах. Вдоль стен тянулись деревянные скамьи, и на них сидели, стояли, ходили — жили — десятки, нет, сотни молодых людей. Все они были разными: высокие и низкие, худые и крепкие, в богатой одежде и в обносках. Одни держались уверенно, с вызовом, другие жались к стенам, третьи разговаривали, четвертые молились. Воздух был густым от запаха пота, металла и тревоги.

Ларс вышел вперёд, и шум постепенно стих. Все взгляды обратились к нему, но он, казалось, не замечал этого. Он поднял руку, и тишина стала полной.

— Это Тацуми, — произнёс он, и голос его, не громкий, но удивительно отчётливый, разнёсся по залу. — Он выберет двоих из вас для формирования команды. Пока он будет смотреть, всем стоять на местах и не шевелиться.

По рядам пронёсся ропот. Кто-то возмутился, кто-то удивлённо охнул, кто-то выругался сквозь зубы. Но никто не двинулся. Все остались на своих местах, только теперь они смотрели на Тацуми — с любопытством, с завистью, с презрением. Некоторые улыбались, но улыбки эти были похожи на оскалы.

Тацуми шагнул в зал.

Он шёл медленно, не глядя по сторонам, но всё же видя всех. Отец учил его смотреть: не на лица, а на позы. Не на одежду, а на руки. Не на слова, а на глаза. Люди говорят много лишнего, но их тела всегда говорят правду. Тацуми вспомнил это сейчас, когда взгляды десятков людей впились в него, как крючья.

Он шёл вдоль первого ряда.

Юноша с надменным лицом, в дорогом камзоле, усыпанном драгоценностями. Рука его лежала на эфесе тонкой шпаги, но пальцы дрожали. Боится. Трус. Не пойдёт.

Девушка с бледным лицом, закутанная в серый плащ. Глаза её бегали, как у загнанного зверя. Не сможет.

Крепыш с короткими светлыми волосами, широкоплечий, с массивными кулаками. Он сидел, развальясь, и лениво жевал какую-то соломинку. В глазах — пустое самодовольство. Сильный, но глупый. Не пойдёт.

Тацуми шёл дальше, и перед ним, как вереница теней, проходили лица. Он не знал их имён, не знал их судеб. Он просто смотрел — и отбрасывал. Одно за другим. Как шелуху.

Он уже почти дошёл до конца зала, когда остановился.

Сначала он заметил его. Парня, сидевшего на скамье чуть в стороне от остальных. Он был огромный — не просто крупный, а именно огромный, как медведь, вставший на задние лапы. Плечи широченные, грудь колесом, руки, способные, казалось, переломить человека пополам. Но не это привлекло внимание Тацуми. А то, как он сидел: собранно, напряжённо, словно в любой момент готов был вскочить и броситься в бой. И в его зелёных глазах, смотревших на Тацуми без страха и без вызова, было что-то... честное. Простое. Как небо после дождя.

А рядом с ним — она.

Небольшая, хрупкая, с тёмными волосами, заплетёнными в длинную косу. Она не сидела — стояла, прижавшись к стене, и сжимала в руках саквояж, потёртый и явно не раз чиненый. Глаза её, карие, тёплые, но полные тревоги, смотрели на Тацуми так, словно она ожидала, что он пройдёт мимо. И в то же время в них было что-то ещё. Надежда? Нет, не надежда. Скорее, мольба — тихая, отчаянная, как у человека, который уже перестал верить, но всё ещё не может перестать ждать.

Тацуми остановился.

Он смотрел на них долго. Молча. И зал замер, ожидая его решения. Даже Ларс, стоявший у двери, склонил голову, наблюдая.

Почему они? Тацуми не мог бы ответить. Но что-то в нём, в той самой пустоте, что была его постоянным спутником, дрогнуло. Он увидел в них не оружие. Не инструменты. А... возможных союзников? Людей? Он не знал. Но он знал, что они другие. Что они, возможно, способны на то, на что не способны остальные.

И ещё он знал, что не должен выбирать сильнейших. Сильнейшие предадут. И не слабейших. Слабейшие погибнут. Нужны те, кто будет стоять рядом, когда всё рухнет. Те, кто не бросит.

Он поднял руку и указал сначала на парня, потом на девушку.

— Эти, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, как удар камня о камень.

Ларс, не меняясь в лице, коротко кивнул.

— Подойдите, — приказал он, и парень с девушкой, вздрогнув, двинулись вперёд. Парень шёл уверенно, расправив плечи, девушка — чуть позади, всё ещё прижимая к груди саквояж.

Ларс перевёл взгляд на Тацуми.

— Хороший выбор, — сказал он тихо, почти беззвучно, но так, что Тацуми услышал. — А теперь все трое — за мной.

Он развернулся и вышел из зала, не оглядываясь, не дожидаясь, пока кто-то что-то скажет. Тацуми пошёл за ним. Парень и девушка — следом.

За их спинами снова поднялся ропот: кто-то засмеялся, кто-то выругался, кто-то выкрикнул оскорбление. Но Тацуми не слушал. Он шёл вперёд, глядя в спину Ларса, и в голове его крутилась одна-единственная мысль: что он только что сделал? И почему ему кажется, что именно сейчас, именно в этот момент, его жизнь изменилась навсегда?

Ответа не было. Только шаги. Только тишина. Только дверь, которая закрылась за ними с глухим, окончательным стуком.

Глава 3

Ларс вёл их через лабиринт коридоров, и Тацуми молча считал повороты. Налево. Направо. Снова налево. Лестница вниз, потом узкий проход, за которым открывался ещё один коридор, тускло освещённый редкими факелами. Здесь, в недрах Академии, воздух был холоднее и тяжелее, словно камень стен вытягивал из него всё тепло. Пахло сыростью, старым железом и чем-то ещё — едва уловимым, но знакомым. Так пахло в кузнице отца, когда он закалял клинки в масле. Запах силы. Запах смерти.

Парень — тот самый, что шёл теперь справа от Тацуми, — время от времени бросал на него быстрые взгляды, но молчал. Девушка, семенившая слева, вообще не поднимала глаз, прижимая к груди свой потрепанный саквояж, как будто в нём было что-то бесценное. Тацуми не смотрел ни на кого. Он смотрел только в спину Ларса — прямую, напряжённую, как клинок, готовый к удару.

Наконец Ларс остановился перед массивной дверью, обитой железными полосами. Он толкнул её, и та отворилась с тяжёлым стоном, впуская их в огромное помещение.

Это был тренировочный полигон.

Тацуми никогда не видел ничего подобного. Пространство, размерами превосходившее деревенскую площадь, было залито холодным, неестественным светом, исходящим от магических сфер, висевших под потолком. Пол — ровный, из тёмного камня, исчерченный белыми линиями, образующими круги, квадраты и какие-то сложные фигуры. Вдоль стен, на стойках, покоилось оружие: мечи, копья, топоры, булавы, кинжалы — сотни клинков, блестящих в полумраке. Чуть дальше, в углу, стояли деревянные манекены, изрубленные и истыканные, а за ними — мишени для метания, обтянутые выцветшей кожей.

Но больше всего поражала тишина. Она была здесь абсолютной, давящей, как вода на глубине. Казалось, сами стены впитывали каждый звук, каждое движение, каждую мысль.

Ларс вышел на середину зала и развернулся. В неверном свете сфер его лицо выглядело ещё более юным и одновременно ещё более древним. Шрам, пересекавший щёку, казался нарисованным чёрной краской, а глаза — серые, холодные — смотрели на троих новобранцев с каким-то мрачным удовлетворением.

— Слушайте и запоминайте, — начал он, и голос его, негромкий, но удивительно чёткий, отразился от стен. — С этой минуты вы — студенты Академии Арканиум. Формально. На бумагах. Для проверок и докладов. Но на деле вы будете учиться не здесь.

Он сделал паузу, обведя их взглядом.

— В Академии вы будете появляться только тогда, когда это необходимо для галочки. Экзамены, общие собрания, официальные церемонии. Всё остальное время вы будете тренироваться отдельно. По моей программе. По моим правилам. И горе тому, кто решит, что это легче.

Тацуми слушал молча. Девушка — он заметил краем глаза — вцепилась в свой саквояж ещё крепче, а парень, наоборот, расправил плечи, как будто слова Ларса не испугали его, а раззадорили.

— Но это ещё не всё, — продолжил Ларс. Он медленно прошёлся перед ними, как хищник перед добычей. — Вы трое — не просто студенты. И не просто команда. С этой минуты вы — элитный отряд короны. Особое подразделение, которое будет выполнять задания, о которых не пишут в приказах и не докладывают на советах. Разведка. Диверсии. Ликвидация. Всё то, что требует не просто силы, а ума, хладнокровия и готовности идти до конца.

Он остановился.

— Если кто-то из вас думает, что он сюда попал случайно, — забудьте. Случайностей не бывает. Вас выбрали. Из сотен. И теперь вы должны оправдать этот выбор.

Тишина в зале стала ещё гуще. Тацуми чувствовал, как справа напрягся парень, как слева затаила дыхание девушка. Он сам стоял неподвижно, как каменное изваяние, и смотрел на Ларса. В голове его не было ни мыслей, ни вопросов. Только пустота, которая, впрочем, начала заполняться чем-то новым. Чем-то, похожим на холодное, спокойное любопытство.

— Теперь представьтесь, — приказал Ларс.

Первым заговорил парень. Он шагнул вперёд, выпрямился во весь свой огромный рост и ударил себя кулаком в грудь.

— Кайл, — сказал он, и голос его, низкий и раскатистый, эхом разнёсся по залу. — Кайл Варн. Мне четырнадцать. Из семьи военных. Отец служил в королевской гвардии, погиб при осаде Северного форта. Мать... — он запнулся, но лишь на мгновение, — мать умерла два года назад. Я пришёл сюда, чтобы стать сильнее. Чтобы защищать тех, кто не может защитить себя.

Он замолчал, но не опустил взгляда. Зелёные глаза его горели решимостью, и в них не было ни тени сомнения.

Ларс кивнул и перевёл взгляд на девушку.

— Теперь ты.

Она вздрогнула, как будто её ударили. Подняла глаза — огромные, карие, полные тревоги, — и открыла рот. Первое слово застряло у неё в горле, и она судорожно сглотнула.

— Я... — голос её был тихим, дрожащим, как у птенца, выпавшего из гнезда. — Меня зовут Лейла. Лейла Фен. Мне тоже четырнадцать. Я... я из деревни, что на юге, у Зеркального озера. Моя семья... моя мама была целительницей. Она умерла, когда мне было десять. Отец... — она снова запнулась, и глаза её наполнились слезами. — Отец пропал. Полгода назад. Я осталась одна и... и пошла в Эльдор. В Академию. Потому что больше идти некуда.

Она замолчала и опустила голову, пряча лицо за спутанными прядями волос.

Ларс снова кивнул.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе не было ни сочувствия, ни насмешки. — Теперь ты, — он посмотрел на Тацуми.

Тишина. Тацуми стоял и молчал. Он не привык говорить о себе. Ему вообще нечего было сказать. Его деревня сгорела, его родители мертвы, а он сам был просто оболочкой, пустой и холодной, как ножны без клинка.

— Тацуми, — произнёс он наконец. — Мне двенадцать.

И замолчал. Больше он ничего не добавил. Ни о родителях, ни о деревне, ни о том, почему он здесь. Ларс не настаивал. Он просто посмотрел на него долгим, изучающим взглядом и едва заметно усмехнулся.

— Немного словен, — заметил он. — Это хорошо. Слова не спасают. Спасают действия.

Он отступил на шаг и обвёл всех троих взглядом.

— Итак. Кайл, Лейла, Тацуми. С этой минуты вы — команда. Не просто трое людей, которые будут сражаться рядом. Вы — единое целое. Вы должны научиться чувствовать друг друга без слов, доверять друг другу без сомнений, закрывать спины друг друга, не задумываясь. Потому что в бою раздумья стоят жизни. Вашей или ваших товарищей.

Он поднял руку и указал на Тацуми.

— Вам нужен капитан. Тот, кто будет принимать решения. Тот, кто понесёт ответственность. Тот, кто поведёт вас в бой и, если понадобится, вытащит из него. Выбирайте.

Снова тишина. Тацуми не шелохнулся. Он стоял и ждал, потому что не знал, что говорить. Капитан? Он? Или кто-то из них? Ему было всё равно. Он не рвался к власти. Ему вообще ничего не было нужно.

Но Кайл снова шагнул вперёд.

— Так это ж ясно, — сказал он, и в его голосе прозвучала простая, бесхитростная убеждённость. — Тацуми. Раз он нас выбрал, значит, ему и вести. Я не спорю. Пусть будет он.

Он повернулся к Тацуми и кивнул:

— Ты выбрал нас. Мы пойдём за тобой. Веди.

Это прозвучало так просто, так естественно, что Тацуми на мгновение растерялся. Он посмотрел на Кайла — на его открытое, честное лицо, на его зелёные глаза, в которых не было ни зависти, ни сомнения, — и почувствовал что-то странное. Что-то, похожее на тепло. Оно возникло где-то глубоко, в самой глубине пустоты, и тут же погасло, как искра на ветру.

Ларс посмотрел на Лейлу.

— Ты согласна?

Лейла, всё ещё прятаясь за своей косой, медленно подняла голову. Она перевела взгляд с Ларса на Кайла, потом на Тацуми. Глаза её были влажными, но она не плакала.

— Да, — тихо сказала она. — Согласна.

— Тогда решено, — Ларс хлопнул в ладоши, и звук этот, резкий, как удар хлыста, разнёсся по залу. — Тацуми — капитан. Кайл, Лейла — его отряд. С завтрашнего дня начнём тренировки. А сейчас...

Он развернулся и зашагал к выходу.

— За мной.

Они снова шли через лабиринты Академии, но теперь Ларс вёл их другим путём — через боковые двери, мимо тёмных лестниц, по узким переходам, где стены были покрыты плесенью и копотью. Потом они вышли через неприметную дверь в задний двор, заросший бурьяном, прошли через калитку в высокой каменной стене и оказались на тихой улочке, мощеной неровным булыжником.

Здесь, вдали от главных улиц, Эльдор выглядел иначе. Дома были ниже, проще, с черепичными крышами и деревянными ставнями. Из труб вился дым, где-то лаяла собака, и пахло свежим хлебом и дождём. Они прошли несколько кварталов, миновали небольшой сквер с чахлыми деревьями и остановились перед двухэтажным домом, стоявшим чуть в стороне, у самой крепостной стены.

Дом был старым, но крепким. Сложенный из тёмного кирпича, с узкими окнами, забранными решётками, и массивной дубовой дверью, он выглядел не как жилище, а как маленькая крепость. Над дверью висел выцветший герб — волк на сером поле, — а по обеим сторонам от входа росли два старых вяза, чьи ветви сплетались над крышей, образуя живой навес.

Ларс отпер дверь ключом, висевшим у него на поясе, и вошёл внутрь. Тацуми, Кайл и Лейла последовали за ним.

Внутри было сумрачно и прохладно. Узкая прихожая вела в просторную гостиную, обставленную просто, но добротно: массивный стол, несколько стульев, старый диван у камина, на стенах — полки с книгами и какое-то оружие. Пахло деревом, воском и чем-то едва уловимым — может быть, травами, которые когда-то сушили в этом доме.

— Здесь вы будете жить, — сказал Ларс, обводя рукой пространство. — Тренироваться. Есть. Спать. Это не казарма. Это дом. Мой дом. Теперь — и ваш.

Он указал на лестницу, ведущую наверх.

— Комнаты на втором этаже. Три спальни. Одна — моя, но я здесь появляюсь редко. Две другие — ваши. Распределите сами.

Он прошёл к столу, выдвинул ящик и достал оттуда три ключа. Бросил их на стол по одному.

— Эти ключи — от входной двери. Потеряете — отвечу, — в его голосе не было угрозы, но прозвучало это так, что Кайл нервно сглотнул.

— Ванная внизу, — продолжил Ларс, — кухня тоже. Вода из колодца во дворе. Дрова для камина — в сарае за домом. Еда — в кладовой, но запасы нужно пополнять самим. Деньги буду выдавать раз в неделю. Тратьте с умом.

Он обернулся и посмотрел на них.

— Пока можете обжиться. Осмотрите дом, выберите комнаты, отдохните. Завтра начнём тренировки. С рассветом. Не опаздывать.

Он уже шагнул к двери, но остановился и бросил через плечо:

— Я вернусь поздно. Нужно закончить отбор в Академии. Если кому-то что-то понадобится — ждите. Не выходите из дома без необходимости. И не суйтесь в мои вещи.

Дверь за ним закрылась с глухим стуком, и в доме повисла тишина.

Тацуми стоял посреди гостиной и смотрел на закрытую дверь. Потом медленно обвёл взглядом комнату, лестницу, ключи на столе. Всё это было чужое, незнакомое, но почему-то не отталкивало. Может, потому, что здесь, в этом старом доме, пахло чем-то, что напоминало ему о прошлом. О доме, которого больше не было.

Кайл первым нарушил молчание.

— Ну что, — он хлопнул себя по бёдрам и улыбнулся, — будем знакомиться? Раз уж нам теперь вместе жить.

Он подошёл к столу, взял один ключ, повертел в пальцах.

— Я, как уже сказал, Кайл. Можно просто Кай. Друзья так зовут. Ну, если у меня будут друзья. — Он ухмыльнулся. — А ты, — он посмотрел на Лейлу, — Лейла, да? Красивое имя.

Лейла, стоявшая у двери, вздрогнула и подняла на него глаза. Она всё ещё прижимала к груди свой саквояж.

— Да, — тихо ответила она. — Лейла. Спасибо.

— Ну, Лейла, — Кайл развёл руками, — располагайся. Выбирай комнату. Мне всё равно, какая достанется. Я в любой усну. Хоть на полу.

Он рассмеялся, и смех его, громкий и искренний, разнёсся по дому, разрушая тишину. Тацуми заметил, как губы Лейлы дрогнули в подобии улыбки.

— А ты что стоишь? — Кайл повернулся к Тацуми. — Капитан, показывай пример. Бери ключ.

Тацуми медленно подошёл к столу. Взял один из оставшихся ключей — холодный, тяжёлый. Сжал его в ладони.

— Моя комната — любая, — сказал он ровно. — Мне всё равно.

— Ну и отлично, — Кайл кивнул. — Тогда давайте так: ты занимаешь ту, что побольше, капитанская. А мы с Лейлой разберёмся.

Тацуми не ответил. Он просто направился к лестнице и начал подниматься. Ступени скрипели под его ногами, и этот звук, привычный и мирный, почему-то успокаивал.

Наверху оказался узкий коридор с тремя дверями. Тацуми открыл первую попавшуюся и вошёл.

Комната была небольшой, но уютной. У стены — кровать, застеленная старым, но чистым одеялом. Окно выходило на задний двор, где в сгущающихся сумерках угадывались очертания сарая и колодца. На столике у кровати стояла свеча. Больше ничего.

Тацуми подошёл к окну и посмотрел на улицу. Свет в домах уже зажёгся, и тёплые огоньки мерцали в темноте, как далёкие звёзды. Город жил своей жизнью — чужой, незнакомой, бесконечно далёкой от того, что осталось позади.

Он стоял и смотрел, и где-то в глубине его пустоты снова что-то шевельнулось. Не боль. Не тоска. Просто... ощущение. Смутное, едва уловимое, но оно было. И это ощущение говорило: он больше не один.

Впервые за много дней. Впервые с тех пор, как сгорела деревня. Впервые с тех пор, как он видел отца в последний раз.

Впервые.

Тацуми закрыл глаза и глубоко вздохнул. Потом отвернулся от окна, сбросил сумку на пол, снял плащ и сел на край кровати. В доме было тихо, но не той мёртвой тишиной, что

преследовала его в лесу. Это была другая тишина. Живая. Тёплая. С дыханием других людей за стенами.

Завтра начнётся новая жизнь. Завтра он снова возьмёт в руки меч. Завтра он сделает первый шаг на пути, который выбрал за него отец.

Но это будет завтра.

А сегодня... сегодня можно просто сидеть и слушать, как старый дом скрипит под ветром, как где-то внизу Кайл что-то говорит Лейле, как та отвечает ему — тихо, но уже без прежней дрожи в голосе.

Тацуми не умел молиться. Но в эту ночь, сам не зная почему, он прошептал одними губами:

— Спасибо, отец.

И тьма за окном, словно услышав его, на миг отступила, впуская в комнату бледный свет луны. Тацуми сидел на краю кровати, всё ещё сжимая в ладони холодный ключ, когда в дверь постучали. Стук был тихим, неуверенным, как будто тот, кто стоял за дверью, не был до конца уверен, что ему вообще следует входить. Тацуми не ответил — просто поднял голову и стал ждать. Через несколько секунд дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Кайла.

— Не спишь? — спросил он, хотя ответ был очевиден.

— Нет.

— Мы это... — Кайл замялся, что было ему явно несвойственно. — Можно войти?

Тацуми кивнул. Дверь распахнулась шире, и в комнату вошли оба — Кайл, заполнивший собой половину дверного проёма, и Лейла, скользнувшая за ним, как тень. Она всё ещё прижимала к груди свой саквояж, и в бледном лунном свете её лицо казалось совсем бледным, почти прозрачным.

Они остановились посреди комнаты, не зная, куда себя деть. Кайл почесал затылок, Лейла опустила глаза. Тацуми смотрел на них молча, ожидая.

— Тут такое дело, — наконец начал Кайл, и в его голосе прозвучала несвойственная ему неловкость. — Мы комнаты посмотрели. Вторая — совсем маленькая. Там одна кровать, и та скрипит так, что, наверное, во всём доме слышно. А третья... в общем, она заперта. Наверное, это комната Ларса. И мы не знаем, что делать.

Он замолчал и переглянулся с Лейлой. Та лишь крепче вцепилась в свой саквояж.

Тацуми понял. Две свободные комнаты. Одна — эта, где он сидел. Вторая — та, что поменьше. Значит, им нужно было как-то распределиться, и, судя по всему, они не могли решить.

— Лейла будет спать здесь, — сказал он ровно, без тени сомнения.

Лейла вскинула на него глаза. В них промелькнуло что-то — удивление? Испуг? Благодарность?

— Но... — начала она, и голос её дрогнул. — А как же ты?

— Я пойду в маленькую, — ответил Тацуми. — Мне всё равно.

Он поднялся с кровати, подхватил с пола сумку и плащ и направился к двери. Лейла проводила его растерянным взглядом, но ничего не сказала. Кайл, напротив, широко улыбнулся и хлопнул Тацуми по плечу, когда тот проходил мимо.

— Вот это по-капитански, — одобрил он. — Уступил даме комнату. Не каждый бы так.

— Это не поэтому, — бросил Тацуми, не оборачиваясь.

— А по-моему, поэтому, — не сдавался Кайл. — Ну, или ты просто не хочешь спать в одной комнате с моим храпом. Я, знаешь ли, храплю. Как медведь. Некоторые говорят, что стены дрожат.

Лейла, всё ещё стоявшая посреди комнаты, вдруг тихонько прыснула. Звук этот был таким неожиданным, таким живым, что Тацуми на миг остановился и обернулся. Она тут же

прижала ладонь к губам, словно испугавшись собственного смеха, но глаза её — карие, тёплые — всё ещё искрились.

— А ты чего застыл? — Кайл снова улыбнулся. — Иди, располагайся. А мы тут... — он обвёл комнату взглядом, — мы обживёмся.

Тацуми вышел в коридор и направился в маленькую комнату. Он слышал, как за его спиной Кайл что-то говорит Лейле — что-то бодрое, ободряющее, — и та отвечает ему уже не таким испуганным голосом. Дверь за ним закрылась, отсекая звуки.

Маленькая комната действительно была маленькой. Кровать у стены, узкое окно, затянутое паутиной, старый шкаф с покосившейся дверцей. Пахло пылью и сухим деревом. Тацуми бросил сумку на пол, плащ — на спинку стула, и сел на кровать. Та скрипнула под ним, но не развалилась.

Он сидел в темноте, не зажигая свечи, и смотрел на полоску лунного света, падавшую из окна. В доме было тихо, но не так, как в лесу. Здесь тишина была другой — населённой, живой. Где-то далеко, за стенами, лаяла собака. Где-то внизу, на первом этаже, скрипели половицы. Ветер шевелил ветви вязов за окном, и их тени плясали на стене, как диковинные звери.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Он не спал — сон не приходил, как не приходил уже много ночей. Он просто сидел и смотрел в окно, когда в дверь снова постучали.

На этот раз стук был громче, увереннее.

— Эй, капитан, — раздался голос Кайла. — Ты там живой? Мы тут чай нашли. Или что-то вроде чая. Лейла говорит, это травы какие-то. Но пахнут прилично. Выйдешь?

Тацуми не ответил сразу. Он вообще не собирался выходить. Но потом подумал: почему бы и нет? Есть не хотелось, спать не хотелось, а сидеть в темноте и слушать собственную пустоту было... утомительно. Он поднялся и вышел в коридор.

Внизу, в гостиной, горел камин. Кайл, судя по всему, успел развести огонь, и теперь в очаге потрескивали дрова, отбрасывая на стены тёплые, живые отсветы. Сам Кайл сидел за столом, положив ноги на соседний стул, и держал в руках глиняную кружку, от которой поднимался пар. Лейла сидела напротив, обхватив свою кружку ладонями, и маленькими глотками отпивала из неё.

— О, вот и он, — Кайл поднял кружку в приветственном жесте. — Иди сюда, греться. Ночь сегодня холодная.

Тацуми спустился и сел за стол, не сказав ни слова. Лейла, не глядя на него, подвинула к нему третью кружку — чистую, с исходящим от неё паром. Пахло мятой, шалфеем и чем-то сладковатым, как луговые травы после дождя.

— Спасибо, — сказал Тацуми и обхватил кружку руками. Тепло медленно поползло по пальцам, поднимаясь выше, к запястьям, к локтям. Он не знал, что это за чувство, но оно было почти приятным.

Некоторое время они молчали. Только огонь трещал да ветер завывал за окнами. Потом Кайл, не в силах выносить тишину, заговорил:

— Слушайте, а давайте познакомимся получше. Ну, то есть, мы теперь команда, а друг о друге почти ничего не знаем. Только имена. Это ж неправильно.

Лейла подняла на него взгляд, потом снова опустила.

— Я не знаю, что рассказывать, — тихо сказала она.

— Да что угодно! — Кайл развёл руками. — Откуда ты, чем увлекаешься, о чём мечтаешь. Всё, что в голову придёт.

Лейла помолчала, глядя в свою кружку, будто ища там ответ. Потом, решившись, заговорила:

— Я... я из деревни у Зеркального озера. Это на юге, за холмами. Там красиво. Особенно летом, когда озеро цветёт. Мама учила меня травам. Она была лучшей целительницей в округе.

Люди приходили к ней со всех деревень. И она никогда не отказывала. Даже тем, у кого не было денег.

Голос её стал тише, но не дрожал.

— Она умерла, когда мне было десять. Лихорадка. Она не смогла вылечить себя. Так бывает. Целители часто горят на работе. Она отдала всю себя другим, и... — Лейла запнулась, — и её не стало.

Она замолчала, глядя на огонь. Тацуми краем глаза заметил, как в её глазах блеснули слёзы, но она не позволила им пролиться. Только крепче сжала кружку.

— Отец после её смерти изменился, — продолжила она. — Раньше он был весёлым, много смеялся. А потом будто погас. Стал молчаливым, ходил как тень. А полгода назад ушёл. Сказал, что должен найти что-то на севере. И не вернулся.

Она подняла голову и посмотрела сначала на Кайла, потом на Тацуми.

— Поэтому я здесь. Хочу стать сильной целительницей. Не как мама — лучше. Такой, которая сможет вылечить кого угодно. Даже... — она сглотнула, — даже тех, кого уже не вернуть.

Тацуми молчал. Он смотрел на неё и видел не девушку, не будущую целительницу, а ту самую маленькую девочку, которая стояла у тела матери и не знала, что делать дальше. Он видел себя.

Кайл, который до этого сидел необычно тихо, вдруг кашлянул.

— А я, значит, — начал он, и голос его снова стал громким, бодрым, как будто он хотел разогнать тишину, — я, как уже говорил, из семьи военных. Отец был гвардейцем. Мама — из простых, но крепкая была женщина. Когда отец погиб, она меня одна тянула. Работала в поле, стирала, пекла хлеб. Всё для того, чтобы я вырос «настоящим мужчиной». — Он усмехнулся. — Ну, вот. Вырос. Почти.

Он отхлебнул из кружки и поморщился.

— Я в будущем себя вижу... — он задумался, — генералом. Не меньше. А что? Чем я не генерал? Плечи широкие, голос громкий, меч держу крепко. Осталось только научиться стратегии, тактике и всему такому. Но это дело наживное. Главное — сила. Силой можно решить всё.

Лейла вдруг тихо фыркнула.

— Что? — Кайл уставился на неё. — Ты не согласна?

— Нет-нет, — она замахала руками, но в глазах её снова мелькнули искорки. — Просто... генералы не только силой решают. Им ещё нужно думать.

— Думать — это не ко мне, — беззаботно отозвался Кайл. — Для этого у нас капитан есть. — Он кивнул на Тацуми. — Он будет думать, а я — махать мечом. Так и разделимся.

Тацуми ничего не ответил. Он смотрел на огонь, и отблески пламени плясали в его чёрных глазах. Внутри по-прежнему было пусто, но теперь в этой пустоте, где-то на самом дне, что-то тлело. Слабо, как уголёк, засыпанный пеплом.

— А ты, Тацуми? — Кайл вдруг подался вперёд. — Кем ты себя видишь? В будущем?

Тацуми поднял глаза. Вопрос повис в воздухе, как дым от костра. Он смотрел на Кайла, на Лейлу, на их лица, освещённые огнём, и не знал, что ответить. Кем он себя видит? Никем. Или всем. Или чем-то, у чего нет названия.

— Не знаю, — сказал он наконец. Пожал плечами — медленно, тяжело. — Может быть, потом захочу.

— Это как? — Кайл нахмурился.

— Ну... — Тацуми запнулся, подбирая слова. — Сначала я хочу стать сильнее. Это главное. А потом... посмотрим. Если выживу — может, пойму.

— Не, ну так не пойдёт! — Кайл стукнул кружкой по столу. — У каждого должна быть мечта! Ну, хоть какая-то. Хоть маленькая. Вот я мечтаю стать генералом. Лейла — целительницей. А ты?

Тацуми снова пожал плечами.

— Я не умею мечтать, — сказал он. — У меня нет... — он не закончил. Не нашёл слова.

Лейла вдруг подняла голову и посмотрела на него. В её взгляде было что-то, чего он не ожидал. Понимание? Сочувствие? Она смотрела на него так, словно видела нечто, спрятанное глубоко внутри, и это нечто не вызывало у неё страха.

— Это не страшно, — тихо произнесла она. — Не уметь мечтать. Иногда мечты приходят позже. Когда для них появляется место.

Кайл, который явно не ожидал от неё таких слов, удивлённо моргнул. Потом улыбнулся — широко, по-доброму.

— Вот! — он поднял кружку. — Золотые слова! Значит, решено: Тацуми пока просто становится сильнее, а мы ему поможем. А потом у него появятся мечты. Правильно?

Лейла кивнула. Тацуми не ответил, но уголки его губ снова дрогнули. Совсем чуть-чуть. Почти незаметно. Но Кайл это увидел.

— О! — воскликнул он. — Ты улыбаешься! Я видел! Лейла, ты видела? Он улыбнулся!

— Я не улыбался, — сказал Тацуми.

— Улыбался! Улыбался! — Кайл вскочил со стула и показал на него пальцем. — Лейла, подтверди!

Лейла, сама не ожидавшая, снова прыснула. Она прикрыла рот ладонью, но плечи её подрагивали от смеха. Тацуми смотрел на них — на громогласного Кайла, размахивающего руками, на смеющуюся Лейлу, на огонь в камине, на тёплые тени, пляшущие по стенам, — и что-то внутри него, то самое, что долгое время было ледяной глыбой, начало таять. Медленно. Очень медленно.

Они проговорили до глубокой ночи.

Кайл рассказывал истории из детства — как воровал яблоки у соседа, как подрался с тремя мальчишками разом и победил, как чуть не утонул в реке, пока спасал щенка. Он рассказывал громко, с жестами, с хохотом, и его энергия, как волна, захлёстывала всех. Лейла, которая сначала смущалась, постепенно расслабилась и даже начала смеяться в голос. Её смех, тихий и мелодичный, как звон колокольчика, наполнял дом странным, почти забытым уютом.

Потом Лейла рассказала о том, как училась различать травы, как однажды перепутала сонник с беленой и усыпила соседскую корову на три дня. Кайл ржал так, что стены дрожали. Тацуми слушал, и внутри него, в той самой пустоте, что была его спутницей, начали появляться первые трещины. Не от боли. От чего-то другого. От чего-то, похожего на тепло.

Он почти не говорил. Но это было не потому, что не хотел. Просто не умел. Слова не шли, мысли путались. Но он слушал. И этого, казалось, было достаточно.

Ближе к рассвету, когда разговоры стихли, и в доме снова воцарилась тишина, Тацуми поднялся с кровати. Он подошёл к окну и отодвинул занавеску. Луна уже клонилась к западу, и свет её, бледный, холодный, заливал задний двор, сарай, старые вязы. Всё было спокойно. Всё было... правильно.

Он не знал, что будет завтра. Не знал, что принесёт новый день. Но в эту ночь, в этом старом доме, среди чужих людей, которые вдруг перестали быть чужими, он впервые за долгое время почувствовал нечто, похожее на покой.

А за окном, на крыше соседнего дома, в тени старой трубы, стояла она.

Женский силуэт, сотканный из ночи и лунного света. Длинные чёрные волосы струились по плечам, как вода. Глаза, тёмные, но с серебристым отблеском, смотрели на окно, за которым стоял мальчик. И на губах её — полных, бледных — играла улыбка. Не злая. Не добрая. Загадочная. Как будто она знала то, чего не знал никто.

Она смотрела на Тацуми, и в её взгляде было что-то, похожее на гордость. Или на ожидание. Или на то и другое сразу.

— Спи, — прошептала она одними губами, и ветер подхватил её слова, унося в ночь. —
Завтра начнётся твой путь.

И тьма, словно по её велению, сомкнулась над городом, гася последние отблески луны.

Но Тацуми этого не видел. Он уже лёг на кровать и закрыл глаза, и впервые за много ночей сон пришёл к нему — тихий, глубокий, без сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.